

И.В. Дудко

Энциклопедия наших жизней

Истоки Книга 3 Глава 2 Детство и юность Ираиды

Ираида Владимировна Дудко

Энциклопедия наших жизней (семейная сага).

Истоки. Книга 3. Детство и юность Ираиды. Глава 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42861357

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-05908-5

Аннотация

Глава 2 – это 1947—1955 годы. Семья переехала из Киева в Москву. Арест отца. Вместо ожидаемой квартиры – барак в совхозе Вельяминово. Голод. Безысходность. Борьба за выживание. Мы у мамы – четверо иждивенцев. А мне – 12 лет. Мечусь по жизни, как щепка в ручье, – прибьёт к берегу и опять по течению несёт дальше, а куда – неизвестно. Вот обо всех этих злоключениях и рассказано в этой главе. А ещё – сохранившиеся письма из армии от мальчишек, служивших в советское время. И о том, как судьба много раз давала мне шанс, но – незнание жизни, порой лень, бесшабашность и легкомыслие обрекали все попытки удержаться «на плаву» – на провал...

Содержание

Введение	4
Часть 1	6
Часть 2	10
Часть 3	35
Часть 4	39
Часть 5	44
Часть 6	47
Часть 7	61
Часть 8	66
Часть 9	78
Часть 10	87
Часть 11	92
Часть 12	100
Часть 13	109
Часть 14	112
Часть 15	116
Часть 16	122
Часть 17	129
Конец ознакомительного фрагмента.	131

Введение

Предыдущая 2-я книга нашей семейной саги – «ЭНЦИКЛОПЕДИЯ НАШИХ ЖИЗНЕЙ» – ИСТОКИ. ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ ИРАИДЫ. ДНЕВНИК БАБУСИ – по объёму оказалась большой, как и само детство, переполненное разными событиями. Места для юности в этой книге не хватило. Пришлось для воспоминаний о следующих десяти лет выделить аж две отдельные книги, в которые вошли соответственно 2-я и 3-я Главы.

Шел 1946 год.

Мне исполнилось уже 11 лет.

Дневники бабуси кончаются 1946-м годом. Они, как зеркало отражают события тех лет.

С 1946-го года по 1958 включительно все воспоминания основываются в основном на памяти и письмах, которые частично сохранились. К сожалению, дневников никаких больше никто не вёл, поэтому некоторые факты могут быть изложены с приблизительной точностью. Но, тем не менее, основные события отражены правдиво.

Я попыталась восстановить события, разложив их в этой книге – по годам, как по полочкам. Если честно, я не знаю – когда у меня кончилось детство. Мне кажется, что оно у

меня слишком затянулось.

Я не жила, а играла в «жизнь». А взрослеть начала только тогда, когда вышла замуж. Не трудно догадаться – за кого...

В отличие от меня, Виктор свои воспоминания записал не по годам, а распределил по отрезкам жизни: детство Виктора, военные годы, отрочество Виктора, юность и студенческие годы, первые шаги молодого специалиста...

Его воспоминания о детстве и юности кончаются 1958-м годом, в котором мы с ним познакомились.

Значит и эту книгу – о моей юности тоже ограничим 1958-м годом.

Итак, 1946-й год.

Часть 1

Переезд в Москву

На фотографии – мои родители – Владимир Васильевич и Нина Николаевна Степановы

Мы уезжаем из Киева. В этот раз отъезд отличается от нашего переезда в Киев из Казани. Туда мы ехали долго, в товарном вагоне, зафрактованном на две семьи. В этот раз также вагон был выделен на две семьи, только разрешили в вагоне ехать одному сопровождающему. Поэтому все остальные члены семьи ехали обычным пассажирским поездом.

Папа уехал в Москву задолго до нашего переезда. В самой Москве у нас родственников не было, поэтому папа жил в Пушкино, под Москвой. Там в собственном доме жила семья Гладилиных – папиного двоюродного брата. Там же часто находился другой папин двоюродный брат – Василий Степанов. Папа по переводу из Киева работал в Министерстве Путей Сообщения. Кроме того вместе с Василием Степановым они занимались подработкой – составлением смет и проектов домов и каких-то ещё объектов.

Позже мне тоже несколько раз сподобилось побывать в Пушкино.

У тёти Нины – Нины Фёдоровны Гладилиной была дочка – Аллочка. Она была тяжело больна. Я не знаю, чем именно она болела, но помню её тонкую, худую фигурку, истощённые руки и ноги, как у скелета. Ходить она не могла. Её переносили с постели в кресло. А иногда она сама пробовала

передвигаться на костылях, но, это только называлось – «сама». Её поддерживали со всех сторон. Она была единственным ребёнком в семье, поэтому ни в чём не знала отказа. К ней приходили лучшие педагоги. Она дома окончила школу. Изучала иностранные языки, любила классическую музыку.

Естественно, выезжать в театры она не могла, а телевидения ещё не было, поэтому не раз к ней на дом привозили артистов, которые давали для неё сольные концерты. Я точно помню, что приезжал к ней знаменитый Михайлов – оперный артист Большого театра, бас. Говорили, что в частном доме ему не хватало места, чтобы петь. Он сам по себе был огромным, а гостиная – не такая уж и большая. Но, тем не менее, он пел для Алочки. Представляю, сколько стоили эти концерты.

Когда мне приходилось бывать в их доме, я часто слышала рассказы о том, как они весело проводили время, когда собирались вместе – и папа, и дядя Вася, и ещё кто-то. Говорили, что они сами «давали» концерты. Папа играл на пианино, Алочка – на скрипке. Они часто играли в карты. Мне запомнилось по их рассказам, что проигравшие выполняли штрафные задания. Однажды тёте Нине выпал «штраф» – постоять на голове. А она маленькая, толстенькая. Ей пришлось залезать на диван и стоять на голове, прислонившись к стенке, чтобы не упасть. Платье завернулось вниз, видны были штанишки. Все смеялись, всем было весело. Это хорошо, когда взрослые умеют от души веселиться.

Папе обещали дать квартиру в Москве, в доме, который был ещё не достроен. А временно нашей семье предоставили жильё в подшефном совхозе ВЕЛЬЯМИНОВО УРСа МО-СУЗЛА МПС по павелецкой дороге. Туда папа и перевёз мебель, которая пришла по железной дороге как раз, почти одновременно с нашим приездом.

Часть 2

Вельяминово

Вельяминово, Вельяминово, Вельяминово... Сколько воспоминаний связано с жизнью в этом совхозе...

На электричке с Павелецкого вокзала нужно было доехать до ст. «Вельяминово». Рядом со станцией располагался рабочий посёлок. Он был расположен вдоль двух наезженных дорог, по обеим сторонам которых стояли дома посёлка. В принципе они ничем не отличались от деревенских рубленых изб, с огородами и палисадниками. Особенность жителей посёлка заключалась в том, что почти все мужчины работали в Москве, куда ездили ежедневно на электричках. Женщины же старались устроиться на работу в местные детские сады, ясли, больницу. Предприятий основных, которые могли бы обеспечить работой всех жителей посёлка, не было. Впрочем, как и во многих таких же поселениях, расположенных вдоль железной дороги.

Две дороги, проходившие по параллельным улицам через посёлок от ж/д станции, убегали в перелесок, за которым располагался совхоз – «Вельяминово – МПС». Совхоз подчинялся Министерству Путей Сообщений. Дороги, пробежав через перелесок, кончавшийся зарослями каких-то кустов, выбегали на простор. Между дорогами лежало совхоз-

ное поле. А дальше – и поле и дороги упирались в лысую, с утоптанной местами травой, площадь. По кругу площади расположилось несколько бараков и совхозная контора. Если пройти дальше, через площадь, можно было попасть опять на дорогу, которая выводила нас к «Большому пруду», по берегам которого разрослись столетние деревья и развесистые ивы.

Пробегая мимо пруда через мостик, дорога оставляла справа деревню с частными домами, а потом тянулась за три километра, через поля, к «Центральному» посёлку «Вельяминово», расположенному на основной автомобильной трассе по Каширскому шоссе.

Центральное «Вельяминово» называлось «Центральным» недаром. Там находился старый парк и развалины усадьбы Вельяминовых. Мы, ребяташки летом ходили туда стайками – искать малину с одичавших старых кустов и рвать черёмуху. По одному туда не ходили, так как наслушались много рассказов о приведениях на месте развалин и всякой другой нечисти.

История центрального села Вельяминово...

«Вельяминово – подмосковное село, расположенное в пределах городского округа Домодедово. При этом оно соседствует с одноименным поселком, принадлежащим Ступинскому району. Первые упоминания о селе датируются 1461 годом. Название село получило по фамилии одного из

своих первых владельцев. Представители этого старинного рода Вельяминовых участвовали в Куликовской битве, и поэтому есть предположения, что имение было пожаловано одному из них после победы в битве. Известно также, что в XVI веке Вельяминово было селом, то есть имело церковь, подвергалось набегам крымского хана Девлет-гирея и некоторое время, согласно документам того времени, пустовало. Во второй половине XVII века в селе насчитывалось только четыре крестьянских двора и господская усадьба.

Нина Николаевна Степанова (Варсоби́на) – 1950 год.
Совхоз МПС Вельяминово

Это фотография моей мамы. Она была сфотографирована на берегу большого пруда, куда мы часто ходили купаться. Фотографию кто-то обрезал. Пруда не остался, зато сохранился снимок моей мамы тех забытых лет конца сороковых годов в совхозе Вельяминово.

В селе издавна стояла церковь Преображения, примерно в конце XVII – начале XVIII столетия она была перестроена помещицей Анной Волынской. Деревянное здание было сооружено на каменном фундаменте и также было освящено в честь Преображения Господня. В первой половине XIX века к приходу Преображенской церкви были приписаны несколько соседних деревень, само село в то время расширялось, поэтому в 1865 году было решено перестроить храм в камне и сделать его больше. Для того чтобы работы шли быстрее, рядом с местом строительства был построен кирпичный завод. Главный престол был освящен в 1873 году, в храме также были устроены приделы в честь архангела Михаила и Рождества Пресвятой Богородицы. Благоустройство и оформление интерьера храма продолжались почти до конца столетия. В советский период храм был закрыт в 1936 году, лишен утвари и ценностей, колокольню взорвали. Возрождение Преображенской церкви началось в 1992 году.»

Я не удержалась от искушения – привести здесь рассказ о

чуде с иконами, напоминающем мне историю плащаницы...

В 1996 году произошло чудо – недавно написанная икона Казанской Божьей Матери отобразилась на стекле.

Все служащие храма, а особенно, художник-иконописец Николай Плагидов, несколько дней пребывали в состоянии легкого потрясения: Казанская икона Пресвятой Богородицы, которую Николай написал для храма в 1994 году, отобразилась на стекле.

Эта икона одной из первых появилась в церкви и сразу обратила на себя внимание. Даже владыка Ювеналий, который вскоре после открытия храма совершил здесь Божественную литургию, отметил ее и спросил, кто написал сию икону? А уж владыка на своем веку повидал икон немало, однако же именно эта чем-то привлекла его внимание. Теперь можно сказать, чем – благодать Божия пребывала на ней.

Долгое время Казанская икона находилась в иконостасе, потом ее перенесли в алтарь. Сейчас в храме заканчивается воздвижение нового иконостаса, и некоторое время назад здесь начали собирать средства для его украшения – с условием, что каждый из прихожан может на свои деньги заказать ту или иную икону. И вот объявилась одна женщина, которая выразила желание заказать для иконостаса Казанскую икону Божией Матери. Желание это, как пояснила женщина, было продиктовано необычным сном, в котором она видела явление именно этой иконы.

Поскольку Казанская икона в храме пребывала уже несколько лет, то именно ее и предложили жертвователнице считать «своей», принимая ее дар храму. Она согласилась. Икона ей очень понравилась. Единственное, что она попросила, – чтобы икона была перенесена из алтаря в такое место храма, чтобы к ней можно было прикладываться. И это желание было исполнено.

Через некоторое время женщина пришла снова и принесла в дар золотую цепочку с подвеской, пожелав, чтобы это украшение было помещено под стекло у Казанской иконы Божьей Матери. Это было проблематично: Николай Плаги-дов вспомнил, что в свое время он не без труда выставлял образ в киот. Теперь его придется вынуть, потом снова вставить... Жертвователнице предложили повесить украшение к другой иконе – «Млекопитательнице», которая почитается в храме как чудотворная и уже украшена многочисленными дарами в знак чьего-то исцеления или явления другой какой-то помощи по молитвам Пресвятой Богородице. Но женщина была непреклонна: она принесла это украшение именно для Казанской иконы.

И вот в субботу, после вечерней службы, в праздник святого славного апостола и евангелиста Иоанна икону стали осторожно вынимать из киота. А когда вынули – так и застыли в изумленном молчании: образ Богородицы четко повторился на стекле, только в негативном черно-белом изображении. Отец Леонид сначала подумал о том, что это так

просто осела пыль, но при попытке стереть – изображение не исчезало...

«Мы объявили об этом всем своим прихожанам, – заключил свой рассказ отец Леонид, – и усилили молитву Господу и Пресвятой Богородице».

Самое удивительное состоит в том, что это уже второй случай в Домодедовской районе за весьма короткий отрезок времени. На первой седмице Великого поста аналогичный случай произошел в храме Флора и Лавра, в соседнем селе Ям. Одна благочестивая прихожанка принесла в храм на реставрацию старинную Иверскую икону Божьей Матери, которая перешла к ней по наследству от родственников. Собственно, реставрировать надо было киот – икона упала со стены, и старое сухое дерево не выдержало, раскололось. При этом стекло осталось цело. И когда реставраторы разобрали киот, вынули из него икону, то увидели на стекле ее изображение в негативе. Но это другая история для другого тайника...

Отец Леонид, хотя и не сомневался в нерукотворности образа (фальсификация была исключена, хотя бы потому, что было хорошо известно, у кого были ключи от Храма), обратился к благочинному с просьбой освидетельствовать необычное явление. Тот приехал в Храм, но не один, а с комиссией Института криминалистики при ФСБ, во главе с ди-

ректором упомянутого института, действительным членом РАН...

Комиссия после проведенных анализов пришла к выводу о нерукотворности образа. К аналогичному заключению пришла и комиссия по изучению чудес при Московской Патриархии и специалисты из Института им. Сурикова. Завидетьствовано чудо появления нерукотворного отпечатка было и митрополитом Крутицким и Коломенским Ювеналием, возглавляющим приходы Подмоскoвья.

После обнаружения нерукотворного отпечатка на стекле, это стекло было снято с иконы и установлено рядом в нею, так что каждый, приходящий в Храм мог спокойно и подробно рассмотреть необычайное явление, что возможно и по сей день. По началу нерукотворное изображение представляло собою беловатый отпечаток с иконы, как бы выполненный одним тоном, но со временем, как заметили прихожане Храма и что было подтверждено специалистами из Института им. Сурикова, отпечатавшееся изображение стало приобретать различные тона, так что весь отпечаток к настоящему времени напоминает негативный черно-белый фотоснимок с иконы.

Прихожанами Преображенского Храма почитается и другой образ Пресвятой Богородицы, находящийся в этом Храме – Млекопитательницы. История его такова: пожертвованная для Вельяминовского Храма еще в XIX веке, написанная

на Афоне упомянутая икона, после многих лет снова вернулась во вновь открытый Преображенский Храм и ознаменовала свое появление несколькими удивительными исцелениями, происшедшими так сказать на глазах у многих жителей окрестных селений.

Несколько супружеских пар, проживающих поблизости, было бездетными многие годы, и согласно приговору врачей – были обречены на бездетность, однако по молитве у иконы Млекопитательница всем им Господь даровал исцеление от бесплодия. Следует заметить, что все они – местные жители, о которых вельяминовскому "сарафанному телеграфу" известна "вся подноготная". Знают в селе и об исцелениях нескольких онкологических больных – также местных жителей. Известны два случая исцелений детей местных врачей, в обоих случаях родители зафиксировали письменно факт использования всех возможных медицинских средств и его безрезультатность для лечения. Со временем число драгоценных привесок, оставленных на иконе Млекопитательница в память об исцелениях, так возросло, что местная милиция потребовала от настоятеля Храма убрать хотя бы часть золота с иконы во избежание соблазна...

Есть в Храме и чтимая икона Св. Феодосия Черниговского, возвращенная в Храм одной из жительниц села, после того, как она услышала во сне строгое повеление вернуть икону, которая хранилась у нее на квартире еще со времени за-

крытия Храма.

И в завершении, хочется добавить то, что первое такое чудо было в Киеве в 1993 году. На стекле киота отобразилась икона Божией Матери «Призри на смирение». Отображение получилось как узор на морозном стекле. Его исследовали ученые и растерянно развели руками: было признано, что изображение на стекле нерукотворное. Для иконы и отдельно для стекла были сделаны дорогие киоты. Сейчас и икона, и изображение на стекле стоят рядом в одном из храмов Киево-Печерской Лавры.

Второе чудо произошло в псковском храме святого благоверного князя Александра Невского. На стекле киота отобразилась икона Божией Матери.

Третье чудо – отображение на стекле иконы Божией Матери «Казанская», которая находится в храме Преображения Господня в подмосковном селе Вельяминово (описание выше).

Недавно чудесно отобразилась на стекле икона «Спас Нерукотворный», которая находилась в иконостасе московского храма Петра и Павла у Яузских Ворот. Сейчас в иконостасе оставлено только стекло, икона вынесена для почитания на середину храма.

По материалам сайтов:

<http://veliaminovo.3dn.ru/>

www.pravoslavie.ru/sretmon/turin/konf2002.htm

<http://top.ucoz.ru/catalogs/14/index15.html><http://www.is-tok.ru/publ/5-1-0-82>

Вельяминово. Снимок 1988 года

Церковь Преображения – до реставрации

Online-Sicherheit <mailto:andreiaga@yandex.ru>

Я обратилась к автору снимка с просьбой использовать эту фотографию в публикациях этой книги. Ответ пришел на следующий день: Используйте.

«Это все, что есть, ничего другого у меня нет. С уважением, Андрей.»

Село Вельяминово Восстановленная Церковь Преображения (Источник – https://www.votpusk.ru/country/dostoprim_info.asp?ID=23198)

Вспоминаем – 50-е годы...

В Центральном Вельяминово, в помещении большого каменного здания школы всегда проводились выборы, а в клубе – основные мероприятия и концерты.

В моей памяти с тех пор остались праздничные настроения, связанные с днями **ВЫБОРОВ**. Голосовать все ездили в центральное Вельяминову, – в школу.

Мама с некоторыми другими женщинами отправлялась туда ещё накануне для работ на кухне. Для комиссии и других организаторов выборов в этот день готовились завтраки и обеды. Жителей совхоза в центральное Вельяминово отвозили на санях, в которые было накидано сено, чтобы удобно было сидеть. Дуги были украшены лентами, искусственными цветами и даже – колокольчиками, звон которых слышался на протяжении всей езды, перекликаясь с заливчатской игрой гармонистов, сопровождавших санную «карусель». Мне всегда почему-то казалось, что гармонисты – разные, а мелодия у всех – одна и та же. Как будто гармошка выговаривала – «Наши-Ваши, Наши-Ваши...». Все старались одеться по – праздничному.

В школе работал буфет, где кроме стандартных угощений продавались закуски, приготовленные поварами, обслуживающими выборное мероприятие.

Проголосовавшие не спешили уезжать. Столики в буфете не пустовали. И, конечно, в большой проходной комнате

было устроено что-то вроде сцены, на которой по очереди выступали агитбригады и участники кружков художественной самодеятельности, которые представляли разные посёлки, приписанные к этому участку выборочной компании.

На фотографии – в день выборов участники художественной самодеятельности от Вельяминовского совхоза МПС

В центре – слева от плаката с рушником на груди – моя сестрёнка Милочка

Эти три километра от совхоза до центральной усадьбы не всегда украшались праздничными настроениями. Когда мы приехали в совхоз, можно было выбрать не школу в пристан-

ционном посёлке, а поступить учиться в Центральном Вельяминово. Но нам не посоветовали. И не потому что, три километра до школы для детей – длинная дорога. Дело в том, что зимой эти три километра пролегали по пустынной заснеженной местности, открытой не только для ветров и снежных бурь. Здесь неоднократно видели волков и их следы. Леса – недалеко. И видимо, в зимнее голодное время они охотились на зайцев, следы которых встречались повсюду – и в лесах, и на открытых заснеженных полях и лугах...

С лысой площади совхоза – левее была ещё одна дорога, которая вела к «Малому пруду», а потом – выводила к совхозным полям и огородам пробегала через луга, и бежала дальше, через лес – в деревню – Привалово.

За «Малым прудом» находились огороды жителей совхоза. Позже нам тоже там выделили кусочек земли, на котором мы сажали картошку.

Я помню, как мы все вместе помогали маме её сажать, а, когда она отцветала, и появлялись уже клубни, мы с бабусей ходили на «наш» огород и осторожно, чтобы не повредить основной куст, подрывали и набирали в маленькое ведёрко молодой картошки. Возвращаясь, мы делали остановку, наливали в картошку воду и жмыхали её руками, чтобы смыть с неё оставшуюся не ней землю. Заодно, вместе с землёй облезала часть молодой шелухи. Потом её так и варили – в оставшейся кожуре. До чего же она была вкусной...

Мы с бабусей ходили в тот дальний лес, в сторону Прива-

лова и собирали там хворост для печки, поскольку с дровами всегда была проблема.

Когда мы возвращались с вязанкой дров за плесами у бабуси, мы проходили лугом, на котором встречались – бучаги. Это глубокие ямы заполненные прозрачной водой. По краям бучагов рос кустарник, а иногда в воде встречались и кувшинки.

В жаркую погоду мы останавливались у бучага, который побольше, – передохнуть и я купалась. В один из таких бучагов я опускалась и плавая, наслаждалась прохладной свежестью воды.

Странно, но с детства я была застенчивой, поэтому в бучагах я купалась в трусиках, хотя, кроме бабуси рядом ничего не было. А зря. Купаться полностью раздетой, ощущать, как прохладная вода оптекает и ласкает всё тело – это такое блаженство...

Удивительный мир природы
Бесплатные фотографии my.mail.ru

Почему-то, когда я вспоминаю об этих маленьких оазисах, у меня в памяти всплывает песенка, которую бабуся пела мне в детстве:

Где гнуться над омутом лозы
И вешнее солнце печёт,
Летают, и пляшут стрекозы
Весёлый ведут хоровод.

Мы песенку знаем так много,
Тебя мы так любим давно,
Смотри, какой берег отлогий,

Какое песчаное дно.

Дитя! Подойди к нам поближе!
Тебя мы научим летать,
Дитя, подойди, подойди же,
Пока не проснулася мать.

Где гнуться над омутом лозы
И вешнее солнце печёт,
Летают, и пляшут стрекозы
Весёлый ведут хоровод...

Странный текст, но смысл песенки, вероятно, имеет глубокий подтекст...

Ещё с площади в центре совхоза выбегали маленькие вытоптанные дорожки – тропки. Одна из них вела к детским яслям, другая к конторе, по одной из них можно было короче добраться до пруда, по другой – к теплицам, ну и, конечно, к каждому из барakov.

В центре площади стоял электрический столб. Наверху всегда вечерами включался фонарь. Место вокруг столба называлось «пяточком». Там по выходным или праздникам устраивались танцы под радиолу или патефон. Но чаще всего, вечерами, уставшими за день от полевых работ ногами, девчонки – под гармошку выбивали дробь.

Вот такое оно – «Вельяминово», разбросанное: и малень-

кое и большое, и богатое, как «Центральная усадьба» и бедное, как совхоз «МПС», но всегда красивое, как красивы все подмосковные местечки.

Почему я так подробно описала Вельяминово, каким оно было в те далёкие годы?.. Недавно, моя сестрёнка – Милочка, прожившая в Вельяминово дольше меня, решила съездить на старые места своего детства и юности.

Сойдя с электрички, она не узнала посёлка вообще. На месте деревенских домов с огородами, выросли каменные коттеджи. Всё чужое. Как ни странно, прежней остался только вокзал. Когда Милочка вошла внутрь здания, на неё со всех сторон навалились воспоминания. Ничего не изменилось...

Дойдя до бывшего перелеска, который раньше и влево и вправо перерастал в лесные заросли, она увидела лишь небольшой пустырь с редкими деревцами.

От совхоза ничего не осталось вообще. На месте его тоже выросли коттеджи. Разговорившись со случайным встречным, Милочка узнала, что совхоз давно закрыли. Бараки сломали. В центральном Вельяминово, где-то недалеко от шоссе, выстроили жилой многоквартирный дом, в который переселили всех жильцов из бараков. У Милочки больные ноги, и она не решилась идти дальше в поисках своего прошлого. Да и мало вероятного, что она отыскала бы своих бывших подружек. Их родителей, наверняка, давно нет в живых. Да и они сами все уже бабушки...

Вернувшись домой, Милочка сделала для себя вывод – прошлого не вернуть, и, вероятно, не стоит его искать. С годами плохое – не забывается, просто в памяти боль притупляется.

А всё хорошее – греет душу. Так и надо жить с этим хорошим. А встречи с состарившимся прошлым чаще всего ранят, и разочаровывают...

Поскольку папа был направлен в совхоз на «временное поселение» от самого министерства, ему выделили «квартиру в бараке». Других домов в совхозе не было, кроме дома директора. Барак был крайний с левой стороны площади. В отличие от стандартных бараков, где входили в коридор в дверь в одном конце барака, а выходили – в другом конце, этот «наш» барак имел другое расположение. С торцов был вход в большой тамбур, из которого опять же был вход в одну «квартиру» – нашу. Она состояла из двух комнат, вернее из одной большой комнаты, в которой стояла огромная русская печь. Если зайти с другой стороны печи, создавалось впечатление второй комнаты.

В первой стояла бабушина кровать, и вдоль окна – обеденный стол. Во второй – наши кровати. Боря с Милкой предпочитали спать на печи, а я и – мама с папой – на кроватях.

Из тамбура ещё одна дверь вела в огромную комнату, которая достраивалась внутри. В ней на земле были установлены столбики, на которых накинаны доски. Часть комнаты, от

дальней стены уже была застелена полом. Создавалось впечатление сцены и длинных лавок. Днём там работал плотник, а вечером мы, ребятишки собирались в этой комнате, и играли в театр.

Бабуся очень любила сидеть на крылечке и подолгу смотреть в сторону леса. Она была дальнотзоркой. Тем не менее, однажды я очень удивилась. Мы с бабусей сидели на крылечке, и вдруг, она встала, и, раскинув руки, не твёрдыми шагами поспешила по дороге в сторону леса. Оттуда шел мужчина. Как оказалось, к нам приехал погостить на короткое время её родной брат Витя. Это была их последняя встреча.

Как она его разглядела, и узнала, ведь, это всё-таки далеко было – до леса метров 800. Бывает...

Позже, когда мне приходилось ждать где-нибудь Витю, я, хоть и была сильно близорукая, всегда узнавала его по каким-то особым признакам: фигуре, манере двигаться и т. д.

А, может быть, телепатически чувствовала, что он появился на горизонте, или в толпе. Чувствуют же собаки родного человека, не видя его в поле зрения...

Когда достроили комнату рядом с нами, нас переселили в противоположный конец барака. А теперь уже – двухкомнатную «квартиру отдали какому-то начальнику. У нас не было второй большой комнаты, но зато был большой коридор, в который мы незамедлительно выставили всю не нужную мебель: какой-то матрац, кровать и т. д.

В этот недолгий период жилось нам не плохо. Папа каждый день ездил в Москву на работу. Мама первое время не работала. Да и подыскать работу с её специальностью – чертёжницы, было не возможно.

Весну в Вельяминово мы встретили в приподнятом настроении и томительном ожидании чего-то очень хорошего. Ожидали, когда достроят дом в Москве, и мы туда переедем жить. А пока мы просто жили, и радовались. Наконец, мы жили с отцом. Он каждый день возвращался с работы на электричке. Мы, дети бегали к перелеску его встречать, а бабуся сидела и ждала его на крылечке. Приближалась пасха и майские праздники.

Дома поставили брагу. В большой молочный бидон разводили дрожжи в воде и сахар. Позже, когда она бродила, мама подкрашивала её чаем. Самогонку не делали, но и сама брага производила нужный эффект.

Помню, как я ради любопытства, а мне было всего 12 лет, выждала момент, когда в прихожей никого не было, зачерпнула кружкой пенящуюся брагу, и отпила. На вкус она была сладкой, пилась легко и приятно. Через несколько минут мне стало весело. Я зачерпнула ещё немного. В это время к нам зашел Серёжка Морозов. Серёжка застал меня за поглощением браги. Поскольку я уже была пьяненькая, так как брага быстро бросается в голову, я рассердилась на то, что Серёжка подкрался незаметно, и обозвала его уличной дразнилкой – «Серя-засеря». Он обиделся. В знак примирения я

зачерпнула и ему полную кружку браги... Когда он ушел, я вошла в комнату и легла на кровать, где моментально отключилась, пока не проспалась... Это был мой первый «опус» с употреблением алкоголя.

Пасху в советское время было не принято отмечать. Тем не менее, её отмечали в совхозе в каждой семье. Причём в «партийных» семьях это тщательно скрывали, а жены партийцев всем на показ, на пасху стирали бельё, и вывешивали его сушиться на верёвки.

В этом году мы всей семьёй сидели за настоящим пасхальным столом: были и куличи и пасха, и пироги, и, наверное, ещё что-то вкусное, хотя с продуктами было туговато.

Пасхальный стол

Бесплатная картинка с сайта – prodvigenie-bлаго.ru

Год был голодный. Но папа сумел достать всё необходимое, вероятно – с рынка, за деньги. Потом долгие годы, почти десять лет такого стола больше в нашей семье уже не было.

Часть 3

Школа

Поскольку мы приехали весной, и учебный год ещё не окончился, нас с Борькой сразу же отправили в школу. Естественно, школы в совхозе не было. Поэтому, мы ходили в школу в рабочий посёлок «Вельяминово» при станции. Я – в 6-й класс, Борька, кажется, в третий. Милочка пошла в школу только на следующий год.

Школа находилась в рабочем пристанционном поселке, от совхоза – за перелеском.

Весной, в разлив, когда таяли снега, и покрывали водой все поля и дороги, в школу можно было пройти только в резиновых сапожках. Дороги размывало так, что по ним и проехать-то было трудно, а уж нам пройти и того хуже. Ходили мы группками. И с нами, совхозными часто специально пристраивались ребята, чтобы помочь. Через огромные лужи, в которых наши детские резиновые сапожки запросто захлёбывались, ребята переносили нас на закорках. Когда уже наступал пик таяния снега, в школе объявляли каникулы.

Но особенно мне запомнились в нашем хождении в школу, изумрудные дорожки от наших следов. Когда рано утром выходили из дома, особенно после дождя, дороги были раз-

мытыми, и чавкали грязью. Тогда мы шли по луговой траве. Она была матовой от дождя или росы. Мы шли по траве, и после нас, как бы проявлялись, и ярко выделялись на поле изумрудные дорожки...

А зимой мне нравилось смотреть, как искрился слежавшийся снег. Я несколько раз с Борькой ходила в поле и лес – изучать следы.

И действительно, если сойти в сторону от утопанной тропинки, можно было найти следы зайцев, а, может быть, даже лисьи следы. Правда, я не уверена, что мы могли бы различить их...

Когда начались летние каникулы, мне так не хотелось расставаться со школой, что я продолжала бегать в неё и заниматься в ботаническом кружке. За школой был юннатский участок. Руководила кружком учительница ботаники. Мы вырастили в это лето огромные тыквы, подмосковные арбузы и ещё всякую другую овощ.

Когда осенью мы собрали урожай, к нам в школу приехали корреспонденты газеты «пионерская правда». Я помню – собранный урожай собрали кучками. Нас, юннатов, посадили в два ряда, разрезали арбуз, и раздали нам по кусочку. Прежде, чем снимать о нас фильм, нас проинструктировали. В основном, мы должны были кушать арбуз, улыбаться, но – ни в коем случае не должны были смотреть прямо в камеру. Началась съёмка. Всё шло отлично, до тех пор, пока я, увлёкшись «ролью», не выпятилась прямо в камеру. Что тут

было! Оператор заорал, женщина – режиссер стала его успокаивать – «Ну, что с них возьмёшь? Это же дети!»...

Фильм не получился, а фотография в «пионерской правде» и статья о юных юннатах Подмосковья была. К сожалению, у меня не сохранилась...

Новая школа встретила меня ласково. Я быстро завела там подружек. Поселковая школа была трёхэтажная, кирпичная. Учителя – добросовестные, строгие, но человеческие. Дети, в основном, из рабочих и «крестьянских» семей, и лишь за редким исключением, из семей служащих. Поэтому (да простят мне мою самоуверенность), я резко отличалась от остальных учеников.

Вскоре я стала лидером в классе, а потом и в школе. Школа была семилетка. Поэтому, я проучилась там второе полугодие 6-го класса, и затем – 7-ой. Сначала меня назначили пионервожатой в один из младших классов, затем выбрали председателем пионерской дружины. Меня никто не учил, что надо делать. Я просто играла. В школе была специальная пионерская комната. Я для начала решила, что она должна быть уютной по домашнему. У бабуси я выпросила несколько красивых салфеточек, связанных ею лично. Рукодельница она была высшего класса. Кроме салфеточек, кинула клич, и дети принесли из дома горшочки с цветами. В общем, мне так нравилось в этой пионерской комнате, что я чувствовала себя там, как дома.

А ещё мне запомнились линейки, на которых председа-

тели отрядов отдавали мне рапорта. А я стояла рядом со старшей пионервожатой, под пионерским знаменем. Был и барабанщик и горнист. В общем, я упивалась этим «взлётом» своего положения. Это чувство первенства и лидерства, инстинктивно потом преследовало меня всю жизнь, делало меня уверенной даже в моменты проигрышных ситуаций, придавало самоуверенности, и, наверное, помогало побеждать...

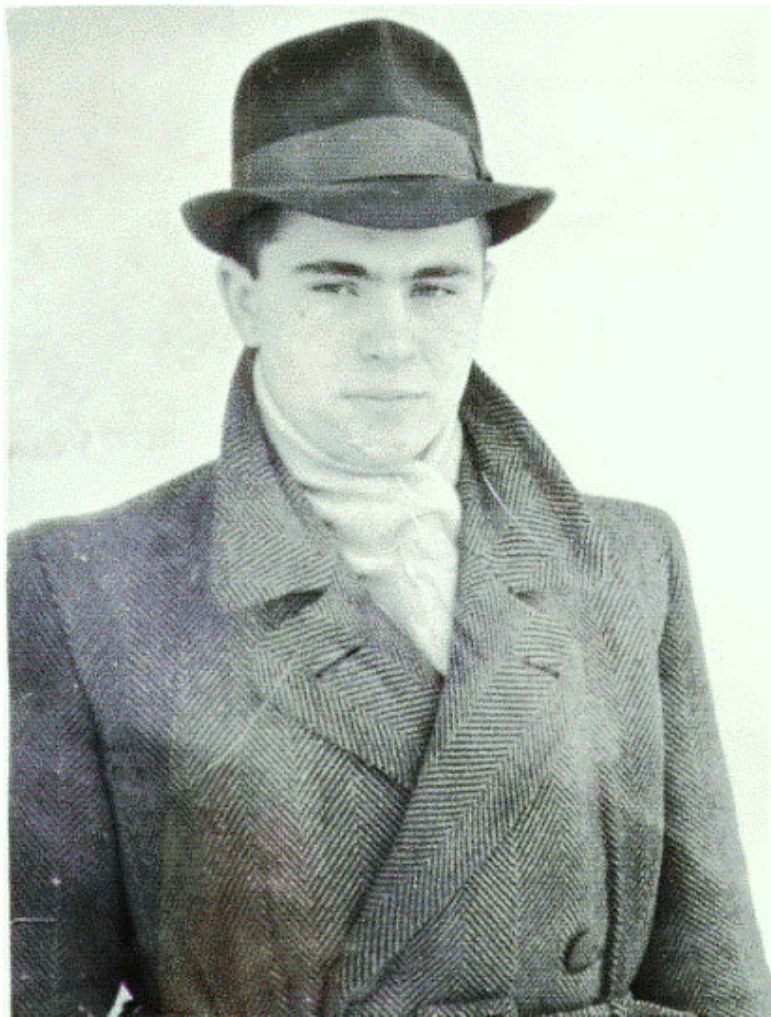
Часть 4

Серёжка Морозов

Серёжка Морозов, о котором я уже вспоминала, учился в 7-ом классе, и тоже был пионервожатым. Он и по возрасту был немного старше меня. Внешностью он был довольно таки симпатичным пареньком, и я, конечно, взяла его «на мушку»...

С Серёжкой мы подружились, хотя на меня он смотрел, как на ребёнка, а был всего лишь на пару лет старше меня. Но разница в возрасте, когда тебе – 13, а ему – 15 лет, вполне допускает флирт, или первую влюблённость.

У нас не было никаких объяснений, но вокруг нас создалось определённое магнитное поле, в котором нам было комфортно.

Сергей Морозов

С Серёжкой у меня связано одно любопытное воспоминание. Когда я училась в Москве, в кожевенно-обувном техникуме, я всё-таки порой приезжала в Вельяминово, к моим родным – Милочке, Борису, маме и бабусе.

В один из таких приездов, я, встретив Серёжку Морозова, на вопрос – чем я занимаюсь в свободное время, соврала, что – хожу на каток. Соврала для бахвальства. На самом деле я на коньках никогда не стояла вообще.

Серёжка ухватился за мою фразу, и сказал, что в ближайшие выходные приедет в Москву, и мы вместе пойдём на каток. Признаваться в том, что я соврала, было поздно, да и неудобно. В общем, договорились...

Я была самонадеянной. Да, к тому же, не представляла трудностей с освоением конькобежного искусства. Решила положиться на авось...

Позвала с собой на свидание девочку из нашей группы – Тонечку. Тонечка помогла мне обрядиться подобающим образом и мы отправились на свидание. Серёжка приехал во время. Взяли коньки с ботинками на прокат. Они ловко одели коньки, помогли и мне. А затем – началось. Подхватив меня с двух сторон, они доковыляли со мной до льда. А там, как только они меня отпустили, я растянулась лягушкой на льду. Ноги дрожали от напряжения. Но никакая самоуверенность не помогла мне сразу встать твёрдо на ноги на льду.

Они пробовали кататься втроём, держа меня за руки с двух сторон. Но ничего не получалось. Я вихлялась между ними, напоминая ваньку-встаньку.

Наконец, им это надоело. Они с моего согласия, посадили меня на одну из скамеек, которые стояли в некоторых местах, по краю катка. Я сидела и мёрзла, наблюдая за проносящимися мимо парами, или одинокими конькобежцами.

Периодически, мимо меня, сделав круг, мелькали, проезжая – Серёжка и Тонечка. Весёлые, разбурлявшиеся, счастливые. Иногда они подъезжали ко мне, спрашивали – не замёрзла ли, и, виновато просили моего согласия на то, чтобы они проехали ещё кружочек... За свою ложь я наказала себя сама.

Потом Тонечка мне призналась, что они с Серёжкой ещё несколько раз встречались и ходили на каток. Так мне и надо...

Не знаю, какое продолжение могли бы иметь наши отношения с Сергеем, но летом его забрали в армию.

Как и полагается везде и у всех, мать (отца, у него не было) организовала проводы Сергея в армию. Все совхозные девчонки готовились к проводам, и каждая вышивала ему на память платочек. Я не умела ни шить, ни вышивать, но платочек я приготовила тоже. Был он каким-то не красивым, похожим на изделие, состряпанное детскими руками в пер-

вом классе, на уроках труда. Но, что поделаешь. Я многим этим премудростям научилась позже. А в этот раз – что вышло, то вышло...

Всех провожающих пригласили за стол. Те, кто были постарше меня, пригубили самогоночки, и что-то поели. Пели песни, плясали под гармошку, отбивали дробь и пели частушки. Всё, как бывало обычно в таких случаях.

Потом началось прощанье. Гости одаривали Сергея принесёнными подарками. В основном это были безделушки, но полезные, которые могли ему пригодиться вдали от дома. А девчонки подходили к нему по одной, дарили ему свой платочек, а он целовал каждую из них в губы. Подошла и я. И мне достался поцелуй – первый в моей жизни поцелуй с юной.

Вот так всё хорошо начиналось...

Часть 5

Арест отца

Однажды летом, когда Милочка и Боря побежали вечером встречать отца к перелеску, он не приехал. Вместо него кто-то привёз, неожиданную для нас, страшную новость – отца арестовали...

Спустя столько лет, я не помню точно, что ему вменялось в вину. Но суть этого дела была в следующем.

Отец выполнял одно задание: между двумя, стоявшими на близком расстоянии друг от друга домами, нужно было построить смычку из жилых квартир, начиная со второго этажа и выше, оставив внизу проезд для машин, что-то вроде ворот. В Москве находился его двоюродный брат – Василий Степанов. Сын кого-то из братьев Степановых (детей Иродиона Григорьевича), но кого – не знаю. Отец дал ему возможность подработать – сделать проект и смету на порученный объект.

Довели строительство до второго этажа, и вот – всё это обвалилось вниз. Слава богу, всё случилось ночью, и не было никаких жертв.

Велось следствие. Стали проверять расчёты, сметы. А сметы составлял папин двоюродный брат Василий. А он был без высшего образования, как и отец. Папа, хоть бросил

строительный институт с третьего, или четвёртого курса, а у Василия не было и этого. Он допустил не точности в расчётах, а отец не перепроверил. Папа по договору был основным подрядчиком.

Василий не был оформлен вообще. Поскольку у обоих была фамилия – Степановы, и на всех документах стояла подпись отца, папа взял полностью ответственность за ошибки в расчётах на себя... Брата он выгородил, а сам загремел, как говорят, «на полную катушку».

Отец всю вину взял на себя. В общем-то он действительно был виноват: доверил, не проверил и т. д.

«Подфартило» ещё и то, что в это время издан был жестокий Указ, номер которого я запомнила на всю жизнь – «Указ от 04.07.47 года».

Указ Президиума ВС СССР от 04.06.1947

УКАЗ. от 4 июня 1947 года. Об уголовной ответственности за хищение... карается заключением в исправительно-трудовом лагере на срок от десяти до двадцати пяти лет с конфискацией имущества.

.....

По этому Указу сажали хоть за булку, хоть за мешок картошки, хоть ещё за какие-то провинности, на срок от десяти и выше.

Указ сопровождался множеством АКТОВ и ПОЯСНЕНИЙ, объясняющих – какие преступления могут быть подведены под этот Указ.

В том, что случилось с отцом – прямого хищения не было. Видимо, был определен размер уже произведенных затрат на момент обрушения – на материалы и строительные работы и отнесен их к убыткам, допущенным по вине руководителя строительства, т. е. – моего отца. И эти убытки были приравнены к – растрате государственного имущества.

Отцу дали 12 лет лагерей.

Срок отбывал он в Иркутске, а семья была вынуждена «задержаться» в совхозе, в бараке.

Часть 6

Барак

Нас всех переселили из «квартиры» в обычную барачную комнату в соседнем бараке, со всеми остальными последствиями сложившейся ситуации.

Так оборвались все наши мечты и солнечные ожидания московской квартиры и сладкого будущего...

Начались трудные долгие голодные и холодные годы борьбы за выживание и ожидания возвращения отца.

Нас осталось пятеро: безработная мама, мне – 12 лет, Борьке – 10, Милочке – 6 лет, и бабуся. Весь наш доход сводился к малюсенькой бабусиной пенсии по старости. В своё время она бросила работу, чтобы воспитывать нас троих. Рабочий стаж учительницы был не велик, и к пенсии по старости ничего не добавлял.

На фото: Мой брат – Борис, Виктория, Я (Ираида), моя сестрёнка – Милочка, тётя Рая с Иришкой и наша мама – Нина Николаевна Степанова.

Начали с того, что мама пошла искать работу.

Дальнейшие подробности, касающиеся работы моей мамы, я черпаю из её трудовой книжки и различных справок.

Сначала ей повезло и она устроилась на работу в торговой закупочной базе СТРОЙ ОРСА – заведующей столовой. Обеды в столовой готовились для рабочих строй участка этой базы, которые вели какое-то строительство на ж/д станции – Вельминово.

Приказ № _____

По Торгово-Закупочной базе Стройтреста № 1

ст. Одинцово

9 февраля 1948 г.

В связи с переездом основного контингента рабочих

по строй участку со ст. Вельяминово приказываем:

§ 1

столовую на ст. Вельяминово закрыть 10 11 48 г

зав.столовой т. Степанову от занимаемой должности

освободить и назначить ее зав.дварьком ст. Вельяминово

§ 2

Руководящего повара т. Асольковски и смен. повара т. Петрову

перевести в столовую на ст. Перкутково смен. повара

т. Аганову перевести в столовую на ст. Одинцово

§ 3

Т. Степановой все кухонную посуду и инвентарь находящийся

в столовой на ст. Вельяминово доставить на ст. Одинцово

и передать по акту зав.столовой т. Аганову

Т.З.З.

Сектор *Ресурс*

ПРИКАЗ

По торгово-закупочной
базе.....

Ст. Одинцово

9 февраля 1948 года

В связи с переездом основного контингента рабочих

с 1-го стройучастка

со станции Вельяминово ПРИКАЗЫВАЮ:

1

Столовую на станции Вельяминово закрыть
10.02.48 г.

Заведующую столовой Степанову Н. Н. от
занимаемой должности освободить и назначить её зав.
ларьком на станции Вельяминово.

2

Руководящего пекаря тов. Круглякова и сменного
пекаря тов. Петрову перевести в столовую на станцию
Перхушково. Сменного повара тов. Агапову перевести
в столовую на станцию Одинцово.

3

Тов Степановой всю кухонную посуду и инвентарь,
находившийся в столовой на станции Вельяминово
доставить на станцию Одинцово и передать по акту зав.
столовой тов. Ганеку.

Но строительство закончилось, и бригада была переведе-
на в другое место.

Маму перевели – заведующей ларьком на станции Велья-
миново.

Но потом и ларёк закрыли. И маме пришлось перейти на
работу в совхоз, где мы все жили...

Дальше в трудовой книжке продолжают следующие за-
писи...

1. 1948 г. С 26 / V – Совхоз Вельяминово УРСа Мос
Узла МПС

– Приказ № 62

– Зачислена на работу рабочей в полевые работы.

2. 1949 г. 03. 06 – Приказ № 85

– Переведена на должность бригадира
животноводства.

И т. д. ...

С 20 / V 48 г. – работала на разных полевых и совхозных
работах.

Работа на вейлке Моя мама на снимке – крайняя слева.

Её профессия чертёжницы была, естественно, не востребована. Сначала она работала на совхозных работах, по принципу – куда пошлют...

Но в конце года нужно было совхозному начальству составлять техпромфинплан на следующий год и сводный баланс за прошедший. У мамы это хорошо получилось, и впоследствии, её каждый год привлекали к этим работам.

В остальное время она перепробовала разные специальности, и перебивала на разных работах. В трудовой книжке ей записали, что она назначена на должность бригадира животноводства.

На самом деле она продолжала работать – куда пошлют, а иногда помогала в составлении отчетных работ в конторе. Вот тогда-то и появилась запись о том, что она якобы работает бригадиром животноводства.

На самом деле она продолжала работать – куда пошлют, а иногда помогала в составлении отчетных работ в конторе. Вот тогда-то и появилась запись о том, что она якобы работает бригадиром животноводства.

СССР

МИНИСТЕРСТВО ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ

ОТДЕЛ РАБОЧЕГО СНАБЖЕНИЯ

ЦУД МПС

Совхоз «ВЕЛЬЯМИНОВО»

29 августа 1949 года_____

№ 165_____

СПРАВКА

Дана настоящая Степановой Нине Николаевне в том, что она действительно работает в совхозе ВЕЛЬЯМИНОВО УРСа Мосузла ГЛАВУРСа МПС в качестве бригадира животноводства и получает оклад заработной платы 450 рублей в месяц. На своём иждивении имеет 4-х не трудоспособных членов семьи.

Справка дана на предмет предъявления и в школу.
ДИРЕКТОР

.....

Совхоз "ВЕЛЬЯМИНОВО"

24 августа 1967 г.

№ 365

г. Вельяминово

Дана настоящая рабочей совхоза "Вельяминово" УРСа МосУзла МПС СТЕПАНОВОЙ Нине Николаевне в том, что она действительно работает в совхозе в качестве рабочей по наряду и получает в среднем зарплату 200-250 рублей в месяц. На своем иждивении имеет: мать мужа 70-ти лет и троих детей школьного возраста от 10 до 16 лет. Хозяйства никакого не имеет.

Справка выдана для предъявления по требованию.

Директор совхоза: -

Ищенко /Ищенко/

Секретарь: -

А. В. Кулинич /Кулинич/

СПРАВКА

Дана настоящая рабочей совхоза «Вельяминово» УРСа МосУзла МПС Степановой Нине Николаевне в том, что она действительно работает в совхозе в качестве рабочей по наряду и порлучает в среднем зарплату 200–250 рублей в месяц. На своём иждевении имеет: мать мужа, 70-и лет, и троих детей школьного возраста от 10 до 16 лет. Хозяйства никакого не имеет.

Справка выдана для предъявления по требованию.

Директор

совхоза.....

Секретарь.....

В летние каникулы я и Борька тоже выходили на работу – «куда пошлют». Это делалось так. К 7-и утра все подходили к конторе. Выходил на крыльцо агроном и зачитывал разнарядку. Он называл фамилию бригадирши (в основном, все бригадиры были женщинами), называл место работы (например, на прополку свеклы или капусты и т. п.), и перечислял – кто зачислен сегодня в эту бригаду. Когда все были названы, к нему подходили не постоянные, а временные, не заявленные накануне, желающие поработать, вроде нас. Он секунду думал, а потом направлял нас в какую-нибудь бригаду.

Работать с непривычки было тяжело. Солнце печёт, дождь ли крапает, всё одно – работать надо в любую погоду. Грядки длинные, нам иногда казалось, что они бесконечные. Опытные совхозницы по грядке идут быстро, пропалывают играючи. Вскоре мы их видим уже на далёком конце грядки. А в конце грядки – лес. Дойдя до края грядки, они ложатся на траву в холодок и несколько минут отдыхают. Когда мы добираемся до конца гряды, они уже встают на новые грядки и начинают свой «бег» в обратную сторону.

А мы... Спины болят, руки скрючиваются от напряжения и усилий. Норму, естественно, мы выполняли редко. Платили нам копейки. Но и эти копейки были для нас каким-то маленьким спасением. Ведь, помощи нам ждать было не откуда.

А однажды, возвращаясь с дальнего поля лугами, я увидела распутившиеся цветы. Это были метёлочки светло ма-

линового цвета. Я сорвала, понюхала, и задохнулась от сладкого медового запаха. Придя домой, я пошептала с Борькой. А утром рано-рано, мы пошли на луг и нарвали две огромных охапки цветов. Сели на электричку в тамбур, чтобы успеть убежать от ревизоров в другой вагон.

В Москве сразу же прибежали на базар. В те годы, на площади, прямо напротив павелецкого вокзала был колхозный продуктовый рынок. Мы встали в конце рядов, положив охапки цветов прямо на землю, стали складывать их в букетики и протягивая их в руках, предлагали проходившим мимо – купить их. И их покупали.

К концу наши цветы увяли, ведь они были уже столько времени без воды. И всё – таки, мы продали все цветы. Не так уж много мы выручили денег. Помню только, что мы купили молока и белые булки хлеба. Мы были голодные, и с удовольствием сразу же уплели целую булку на двоих. Остальное привезли домой.

На следующий день утром мы опять побежали на тот же луг. Но к нашему удивлению мы не нашли там цветов. Как будто это были цветы одного дня...?

Осенью я и Борька пошли в школу.

Бабуся выполняла все основные работы по дому: стирка, уборка, а главное – ежедневная топка печи и готовка еды при полном, практически, отсутствии продуктов. Не было и дров.

Я помню, как бабуся брала меня и Борьку с собой в лес.

Мы ходили и собирали хворост. Сначала этот хворост стаскивали в три кучки. Потом эти кучки надо было стянуть верёвками так, чтобы было удобно нести, и он не рассыпался бы. Если при поиске хвороста нам попадались грибы, мы их собирали, и бабуся варила грибной супчик.

Мама продолжала работать – куда пошлют по разнарядке...

После тяжелых полевых работ, мама похудела, лицо обветрилось, руки огрубели, а душа изболелась от безысходности, полуголодной жизни семьи, и бесперспективности существования...

Моя мама – Нина Николаевна Степанова

А ещё мы ходили «на промысел». Собиралась нас группа ребятшек, а иногда и подростков, и мы осуществляли набеги на совхозные огороды. На огурцы и помидоры мы не покушались. Эти огороды охранники оберегали с ружьями, могли и подстрелить. А вот помню точно, лазили ночью за морковкой. Делали это ночью. Выжидали, когда сторож, обходя вверенный ему участок, пройдёт в другой конец. Потом нужно было перебежками или ползком пробежать подальше от края. Одежду одевали, как говорят, не со своего плеча, чтобы можно было за пазуху или в штанины накидать побольше той же моркови.

А ещё мы лазали за горохом. Заходили днём, со стороны леса. Ночью мы горох не отыскивали бы среди его зелёных стеблей. Да и бдительность у сторожа днём ослаблена. Наверное, он не верил, что посреди ясного дня, у всех на виду найдутся наглецы.

В отношении гороха лучше всего получалось у Борьки. Он маленький, худенький, заползал в заросли гороха, его и не видно было. Наберёт полную пазуху стручков, вылезет с грядок и стрекача к лесу. Потом мы садились в лесу и наедались гороха до отвала.

Ближе к осени мне довелось пару раз попасть по разнарядке на сбор помидор.

Вдоль длинных грядок расставляли корзины так, чтобы удобно было с любого места относить к ним собранные по-

мидоры. Рвать можно было розовые и бурые. Краснеть почему-то им не приходилось – их собирали раньше. А, может быть, потому что, они не вызревали в Подмоскowie под открытым небом. Иногда попадались почти красные помидоры.

В первый раз я не поняла, почему все женщины брали с собой в карманы в бумажечки соль. А оказалось, «ларчик просто открывался». Без соли не очень спелые помидоры не съедобны. Вернее, можно, конечно их съесть, но не много. А вот, если сорвёшь даже бурый помидор, разломишь его, посолишь, а он – душистый, как говорят – сахарный, сочный, вкуснятина...

Но после работы взять с собой помидоры никто не решался. За это могли сдать тебя «органам»... И поехала бы я по тому же Указу вслед за отцом в дальние лагерь...

Часть 7

Серые будни

На этой фотографии – наша семья (кроме бабуси) с приехавшими к нам в гости родственниками из Ташкента: жена бабусиною племянника Анатолия Мейстрик – Раечка с дочками.

Слева – направо: Борис, Вероника, я (Ираида), Милочка, Раечка Мейстрик с младшей дочкой и мама – Нина Николаевна.

Но главное в этом снимке – мы сфотографированы на фо-

не барака, куда нас переселили после ареста отца. От крыльца – слева окошечко с отдёгнутой занавеской нашей комнаты. Перед окном небольшая изгородь с миниатюрным палисадником-огородом.

Новый 1947 год мы уже встречали в другом бараке. Мы для совхоза уже не были семьёй работника министерства. Мы превратились в обузу. На улицу нас, конечно не выгнали, но, чтобы жить в совхозе, в нём должен был кто-то работать из семьи. Работала мама – куда пошлют, или где пригодится.

Из нашей «квартиры» нас переселили в другой барак, в среднюю часть его. Это большой тамбур, а по бокам его – две комнаты. Левая была – наша.

При входе справа – большая русская печь, которая жрала много дров. А по стенкам стояли: две древние бабусины кровати с металлическими набалдашниками – шарами; ещё две металлические казённые кровати – обычные, какие стояли раньше в госпиталях или в рабочих общежитиях; буфет, который везде переезжал с нами – из Астрахани в Казань, затем в Киев, и, наконец, в Вельяминово; у окна – стол; несколько старинных стульев с высокими спинками и пара табуреток. Да, забыла ещё про сундук, на котором прошло наше раннее детство в Казани.

Для совхоза это была роскошная обстановка. Для нас – остатки старой потёртой рухляди, а для бабуси – последнее, что осталось от былой роскошной мебели с пианино, чехла-

ми и прочими прибабасами.

Жизнь была голодной и холодной. И хотя совхоз выделял дрова, их приходилось беречь. Протопив печь, нужно было беречь тепло, чтобы не замёрзнуть ночью. Боря с Милкой спали на печи, а мы, остальные – располагались на кроватях под кучей одеял и телогреек. Около двери стелили половички и тряпки, чтобы тепло не убегало через щели. Если кто-нибудь входил, то вместе с ним в комнату врывались клубы морозного воздуха. Лица с улицы были у всех красные, а на валенках – снег, который не весь удавалось сбить веником в коридоре.

Я по прежнему пропадала в школе. Домой идти не хотелось. Бабуся знала, что я целый день практически без еды. И старалась мне чего-нибудь передать из дома. Милка приносила мне эти передачи. Сейчас она вспоминает, как несла мне в кружке винегрет – картошку со свёклой, естественно, без масла. Это было деликатесное блюдо. Милка несла его, а ей так хотелось есть. Но она донесла эту кружку. А я, вроде бы не была бесчувственной и бессердечной, но взяла эту кружку и спокойно съела винегрет. Я почему-то думала, раз бабуся прислала мне эту порцию винегрета, значит дома свои порции они уже съели. А Милка смотрела, и – глотала слюну...

Я во многом виню себя за такие чёрствые поступки с моей стороны.

Но я не задумывалась над многим. Я просто жила, плыла

по течению.

И будучи с одной стороны довольно развитой и эрудированной девочкой, я оставалась наивным ребёнком, и, наверное, эгоисткой.

А как иначе назвать такое бессердечие?

Это, когда я потом вышла замуж, на протяжении всей своей жизни – лучшие кусочки и порции я отдавала – Виктору и детям, а себе – только в последнюю очередь... Эта привычка перешла ко мне от бабуси. Но это будет – потом... А – пока...

Директором школы у нас был Иван Ефимович Егоров. Он преподавал историю (а, может быть, математику? я уже сейчас и не помню), а его жена – немецкий. У них не было детей. Они очень хорошо относились ко мне. Пару раз приглашали к себе в гости, кормили обедом и расспрашивали о нашей семье. Однажды они попросили, чтобы мама пришла в школу. Они долго беседовали с ней. Как оказалось, они предлагали маме отдать им меня на воспитание. Они готовы были удочерить меня. Мама, конечно, отказала им сразу. Как им повезло! Они наплакались бы со мной вдоволь. В конце концов, я сбежала бы от них, и не обязательно домой.

Весной, когда растаял снег, мы бегали в огороды, где по прошлому году росла картошка. Копали оттаявшую сверху землю, и выбирали промёрзшую картошку, которая случайно осталась в прошлом году в земле. Я не помню рецепт приготовления кавардашек. Картошку мороженую замачивали, потом протирали, кажется, добавляли то ли отруби, то ли

ещё что-то, а потом пекли и ели ещё горячими. Может быть, что-то путаю, но мне вспоминается, что, когда печка была очень горячая, мы брали сырые кавардашки, делали из них лепёшки и пришлёпывали их к горячим стенкам печки, и с нетерпением ждали, когда они пропекутся.

Часть 8

Большая Мартыновка

Чтобы хоть как-то, хоть не на долго продержаться в этой без исходной обстановке, бабуся списалась со своей сестрой – ФАИНОЙ АЛОНИЕВНОЙ, и, наскребя на билеты, взяв с собой Борю и меня, поехала в Большую Мартыновку, Ростовской области. Всё таки у тёти Фани был свой садик, а значит – бесплатные фрукты и витамины. А ещё – были курочки, которые несли яички.

Ехать надо было до станции «Куберле». А потом на автобусе уже до станицы – «Большая Мартыновка». Нам с Борькой было всё в радость. Новые места, не надо было работать в совхозе...

Когда мы сошли с автобуса, оказалось, что до тёти Фаниного дома нужно ещё добираться на чём-то. Нас довез на телеге какой-то добрый дядька. Это, оказывается, была не телега, а арба. Она отличалась от телеги тем, что была ниже и с бортами. Когда мы подъезжали к большой, выгоревшей на солнце, и покрытой пылью, площади, увидели на ней непонятных животных. Мы с Борькой предположили, что на земле лежит корова, а на неё сбоку навалилась другая, и отдыхает. Но оказалось, что на земле лежал верблюд. Мы просто никогда не видели верблюдов вне зоопарка.

Вокруг станицы была степь. Зелень была лишь в садиках и палисадниках, около домов. Каменных домов было не много. Они стояли в основном, в центре станицы. Вероятно, это была школа и другие административные здания. А собственные дома в основном были все деревянные.

Дом тёти Фани и дяди Вани был деревянным, с садом и палисадником. Тётя Фаня была младшей сестрой бабуси. Между ними была разница в возрасте аж – 20 лет. Её дети – Миша и Светлана (Лана), хотя и были на два года моложе меня и Бори, приходились нам – дядей и тётей.

Поскольку мы все были примерно одного возраста – компания у нас составила для озорства отменная. Бабуся всё время ставила мне в пример Светку, поэтому она меня сразу же стала напрягать. А Мишка был безобидным, добрым, мягкотелым мальчишкой, с Борькой они сдружились.

Вот старая фотография дома тёти Фани. Это – Большая Мартыновка Ростовской области. Дом дожил до наших дней. И теперь в нём живёт дочка Фаины Алоньевны, наша ровесница, больная, одинокая, заслуженная учительница истории – Светлана Ивановна Фирсова...

Фаина Алониевна Фирсова (Мейстрик)

Мне кажется – эта фотография немного позднего времени.

Но других фотографий у меня нет.

Днём мучила жара. Тётя Фаня готовила обед. Мы отъедались. Потом нам стелили на пол (там было прохладнее) матрасики и нас заставляли отдыхать. Мы, конечно, не спали, но в пик жары, всё равно, заниматься было нечем.

Днём в доме ставни были закрыты. Это позволяло сохранять ночную прохладу. А к вечеру, когда солнце закатывалось за горизонт, жаркий сухой воздух, который тянулся из степей на улицы станицы, сменялся тёплым, пахнущим парным молоком и сухими травами – лёгким ветерком. Свежесть опускалась на землю...

Что особенно запомнилось из нашего гостеванья? – Курочки. У тёти Фани было несколько собственных курочек, которые несли яички, опять же, которые мы с удовольствием глотали в любом виде. Борька сам бегал по утрам и вынимал свежие яички из куриных гнёзд.

Ещё запомнилось, что однажды нас тётя Фаня взяла с собой в гости к знакомым на пасеку. Тётя Фаня была врачом офтальмологом, поэтому её знала вся Мартыновка. Помню, хозяин нас усадил в саду, за маленький столик и вынес нам по тарелке с жидким мёдом и по кружке с холодной водой.

Вот, если бы он дал к мёду нам по куску хлеба, я уверена, мы съели бы всю тарелку мёда. А так, прихлёбывая воду, всё равно ощущалась приторность сладкого мёда. И много его нам съесть просто не захотелось. Но запомнилось...

Школа, в которой учились Света и Мишка, объявила сбор всех пионеров и комсомольцев. Нужно было пропалывать кукурузу, с тем, чтобы степная грубая трава не забила нежные стебли кукурузы. Мы с Борькой проявили патриотизм и увязались на это мероприятие.

Работалось тяжело. Жара. Перчатки мы не догадались взять из дома. Трава была жёсткой, резала и царапала ладони. Но мы были «гордые», и упорно старались не отставать от местных ребятишек, которым такая работа не была в диковинку.

Вот тот самый мост через реку Сал, которую я переплыла, практически не умея плавать...

Фотография из интернета. Сразу файл не записала, а потом вновь не нашла...

Обратно возвращались с поля мимо речки «Сал», которая протекала через станицу. Река была не особенно широкой, но достаточно глубокой и быстрой. Многие пошли через старый деревянный мост, а группа ребят, уставшие после работы, с удовольствием кинулись в воду, решив переплыть Сал.

Борька пошел через мост, а я решила тоже переплыть реку. Расстояние было – метров 150–200. Плавать по собачьи я уже умела (даже тонула в Днепре), но здесь силы я, конечно не рассчитала. Купальника у меня не было, стесняясь, я в воду так и пошла в белой кофточке и коротких шараварчиках. Сначала плыла нормально, потом стала отставать от основной группы, потом почувствовала усталость. Нужно было следить, чтобы течение не снесло в сторону. Плыли вдоль моста. На середине я почувствовала, что выбиваюсь из сил. Кто-то заметил, крикнул ребятам. Двое подплыли, и предложили держаться руками за них. Я гордо отказалась, и продолжала плыть. Они подстраховывали меня с двух сторон. Я доплыла сама. Но в общем-то мероприятие было рискованным... Всё хорошо, что хорошо кончается.

Среди ребят я отметила одного мальчика. Мне он показался красивым. Был он очень правильный. Как и я в школе, он был председателем совета дружины. Ребята его уважали, и как мне показалось, даже слушались. Он мне представлялся героем из повести «Тимур и его команда».

У Светки были фотографии многих ребят из школы, и была малюсенькая фотография этого мальчишки – Бориса Погорелова. Фотографию я увезла потом с собой. Может быть, я придумала себе эту «симпатию». Не важно, но какие-то флюиды пробежали между нами.

Вернувшись в Вельяминово, я написала ему письмо. Он ответил. Но встретились мы с ним только в 1953-ьем году, когда он приехал в Москву и поступил учиться в институт. Тогда у нас завязалась длительная переписка. Но это уже относится к событиям 1953-го года...

Бабуся не могла наговориться с тетей Фаней. Уже в живых из многочисленной семьи Мейстриков остались только дядя

Витя в Ташкенте, и тётя Фаня в Большой Мартыновке. Больше она ни с кем из них при жизни не встречалась.

Света после школы поступила в институт и стала историком. Всю жизнь она проработала в Мартыновской школе. В отпуска приезжала к нам в гости. Когда я ездила в командировку в Таллин, я её однажды взяла с собой, устроила в гостиницу, показала город, поехали по экскурсиям. Она осталась очень довольна. Замуж она вышла поздно, но уже через три года развелась. Он решил вернуться на родину, а она ехать с ним не захотела. Больше она замуж не выходила, хотя попытки такие были. Но или она была слишком требовательна, или не нашлось мужчины, равного ей по интеллекту, не знаю, но в этом смысле жизнь у неё не сложилась.

Миша тоже долго не женился. Позже он создал семью со Светиной подругой, которая была немного старше его. Они любили друг друга и жили дружно. Позже он уехал с ней в Астрахань, к истокам своей родословной, где и умер в январе 2012 года.

Мы – Ираида и Борис в Б. Мартыновке

Осталась фотография, на которых мы запечатлены с Борисом в Мартыновке и – благодарные воспоминания о гостеприимстве семьи тёти Фани – бабусиной сестры...

Часть 9

Лето

49-ой год набирал обороты.

Я окончила 7-ой класс, и распрощалась со школой. Надо было думать, что делать дальше. Учиться в 8-ом классе можно было только в Михнево, так как в Вельяминово десятилетки не было.

Возможно, на центральной усадьбе и была школа, но туда надо было ходить за три км. в любую погоду. А зимой, говорят, из леса в поля выбегали и волки.

Можно было поступить в техникум какой-нибудь в Москве. Но это был бы крах всем мечтам бабуся. Столько сил и надежд она в меня вложила, что представить меня без высшего образования – это просто кошунство.

Но впереди было лето. Можно было ещё подумать.

Как только окончилась учёба, я и Борис опять пошли работать в совхоз. Посылали нас на разные работы. Помню, мы набивали в теплицах торфяные горшочки землёй для рассады, сушили, и скирдовали сено, пропалывали всё, что можно.

Но был однажды и курьёзный случай. Меня определили в бригаду на дальний участок по заготовке сена. Внутри бригады нужно было кого-то назначить поваром. И вот, у ко-

го-то пришла на ум дикая мысль, которую подхватили все — назначить поваром меня. А ведь, я ещё никогда в жизни не готовила, живя за бабусиной спиной.

Котёл на костре.

CC0 Public Domain

Бесплатно для личного и коммерческого использования

Я не знаю, что там я вытворяла, когда все ушли с рассветом на косьбу. Я налила в котёл пару вёдер воды. С трудом разожгла огонь. Потом в кипяток сыпала пшенку и ещё что-то. В общем, когда пришла бригада на обед, пшенка была сырая, похлёбка не солёная, и вообще не съедобная.

А они набрали грибов и хотели быстренько добавить их в суп вместо мяса.

Добавили. Но уже без меня. Поварихой выбрали другую девушку. Нюра быстро доварила похлёбку, добавив в неё грибы, соль, лаврушку, может быть, ещё что-то. Но было очень вкусно, а главное сытно.

К котлу меня больше не подпускали. Косить меня тоже не брали. В основном я и ещё пара девчонок, ворошили ряды скошенного сена, чтобы оно не слежалось и не загнило от росы. Мне вспомнился ещё один случай, связанный с заготовкой сена.

На этот раз совхозу была выделена делянка в лесу, на огромной поляне, за 15 км. от совхоза. Жили в палатках. Воздух, настоящий на высыхающем сене, пьянил. Я вместе с другими девчонками в основном сушила сено.

Вот такими рядками было разложено скошенное сено для просушки

Бесплатные изображения

<https://pixabay.com/ru/photos/search/geh%C3%A4kelt/>

Это, когда идёшь с граблями сбоку ряда скошенной травы и переворачиваешь траву на другую сторону – это до обеда. А после обеда – то же самое, только наоборот. Но главное, нас кормили пшеничными супами и кашами.

Настал момент, когда трава со всей делянки была скошена. Косари уехали первыми. Высушенная трава, т. е. теперь уже – сено, скирдовалась на поляне и постепенно вывозилась тракторами с прицепами в виде больших тележек.

За последними девчатами, в свою последнюю езду, трактора должны были приехать следующим утром, а в тот день, после обеда все отдыхали. Я соскучилась по своим, и заявила, что ждать не буду трактора, а пойду пешком домой.

Шла дорогой, которая временами сужалась до маленькой тропки, и только колеи по её бокам напоминали, что здесь проходили телеги, или трактора. Я всё шла, шла, шла, а дорога не кончалась. Я не знаю, сколько уже прошла километров, когда на лес опустился внезапно сумрак.

Небо тяжелело и всё ниже опускалось к земле. А я всё шла, шла, пока в наступившей темноте не наткнулась на торчащий передо мной куст. Я сделала шаг влево, опять куст, — вправо, опять куст. Я поняла, что в темноте сбилась с тропы, и скорее всего, заблудилась.

Прохлада окутала всё вокруг. С каждой минутой свежесть превращалась во влажный холодок, затекающий за шиворот. Сесть на сырую землю и просидеть до утра — не выход из положения. Тогда я стала продвигаться практически на ощупь вперёд. Почему-то мне стало казаться, что передо мной не проходима чаща. Куда — бы я не вступила, везде натыкалась на какие-то заросли.

Постепенно, вместе с ночной лесной прохладой, в мою маленькую душу заползал страх. Было страшно идти в темноте, ещё страшнее было стоять на месте. Когда я останавливалась, прижимаясь от страха к какому — не будь дереву, как бы ища у него защиты, я замирала, и в эти мгновения я слы-

шала как громко стучит моё сердечко.

Пожалуй, это был первый страх в моей не долгой ещё жизни. Когда я замирала на месте, сначала слышала тишину, полную тишину. А потом начинали, сквозь эту тишину, оживать лесные голоса. Птицы молчали. Но потом мой слух начинал различать какой-то шелест, шепот, шуршание. Лес жил своей ночной жизнью. Но, поскольку эта жизнь была скрыта темнотой, и не известно было, что за ней скрывалось, было страшно вдвойне.

Выбившись из сил, я села на корточки, прислонившись к какому-то стволу, и уже решила так дожидаться рассвета, как вдруг, ясно различила далёкий лай собак. Я поняла, что где-то в той стороне должно быть жильё. И пошла напрямом в этом направлении. Я не помню сколько я шла, вернее, продиралась на ощупь, но, наконец, лес поредел, и я, действительно вышла сначала на поляну, а потом, на край деревни. Страхи отступили. Я постучалась в первый же дом, и спросила – где находится сельсовет. Женщина, вышедшая на крыльцо, расспросила меня, и сказала, что в сельсовете уже никого не застану. Подумав, она пустила меня на ночлег...

Утром, когда я выспалась, видела, как по дороге проехали трактора в направлении нашей делянки. Я решила, что зачем тратить силы на ходьбу, когда можно дождаться своих. Часа через два, действительно, показали на дороге возвращающиеся трактора с сеном, на котором возлежали наши девочки. Я прыгнула к ним на телегу, и домой добралась уже без

дополнительных приключений...

Когда сено было хорошо просушено, мы его собирали в копёшки. Сухое сено на тракторах с прицепом увозили в совхоз. Как сейчас помню, на той же лысой площади в совхозе, по кругу устанавливали высокие копны, которые зимой припорошивало снегом. Сено оттуда брали в коровник.

Кстати сказать, почти вся продукция совхоза, включая и молочную, отправлялась в Москву, как для предприятий МПС, так и для самого министерства. За свои деньги можно было покупать совхозные продукты. Для этого надо было написать заявление, оплатить их стоимость в конторе, а потом получить их со склада или хранилища. Но нам это было не по карману. Поэтому молоко мы выписывали очень редко...

Лето кончалось. Нужно было что-нибудь решать. Несмотря на свою маленькую пенсию, нашу мизерную зарплату на заработанные трудовни, и мамины получки, бабуся за лето скопила маленькую сумму денег. Нужно было что-нибудь купить к зиме нам, детям.

Но в первую очередь бабуся решила одеть меня, так как было решено отправить меня на учёбу в 8-ой класс, в Михнев, в интернат. С этой целью бабуся взяла меня с собой, повесила на шею мешочек с деньгами, спрятав его на груди, и мы поехали на вещевой рынок.

Я не помню, где он был, но только точно знаю, что находился он за городом, то есть, в ближнем тогда Подмосковье. Нужно было нам доехать до Москвы, потом, до како-

го-то другого вокзала, и опять на электричке несколько оставок.

Сразу же, недалеко от платформы начинался этот вещевой рынок. Его цивилизованным рынком нельзя было называть. Это была огромнейшая толпа народа, колышущаяся людская масса,двигающаяся одновременно в разных направлениях. Каждый второй что-то держал в руках – продавал, каждый другой второй – покупал. Мы долго толкались туда-сюда. Наконец, бабуся сторговалась, и купила мне старенькие валенки. Задники их были обшиты, а подошвы – нет. Поэтому на них померили и одели калоши.

Кроме того, бабуся купила небольшие отрезы тёмно-синей и коричневой байки. У бабуся ещё в сетке, кроме валенок лежала старая дамская сумка, в которую она положила сдачу, использованные билеты на электричку, и ещё какую-то мелочь. В какой-то момент мы с бабусей чуть не потерялись, так как попали в какую-то толкучку. Когда мы из неё выбрались, через мгновение, нас одёрнула какая-то тётка – «Валенки потеряете!». Бабуся посмотрела и ахнула – сетка была разрезана, дамской сумочки как не бывало, а валенки стремительно вываливались из разрезанной сетки.

Хорошо, что все деньги были уже истрачены на покупки. Мы решили, что пора уезжать домой. До станции «Вельяминово» добрались затемно. Пошли домой по левой дороге. В темноте было идти жутковато, так как и у нас ходили слухи,

что в темноте не раз уже нападали на людей, возвращавшихся с электричек и грабили.

Я решила, что если в кустах сидят «бандиты», то они не нападут на девочку и бабушку... Поэтому, я беспрерывно что-то щебетала, давая порой бабусе вставить несколько слов. Когда кончился перелесок, справа началось поле, а слева ещё тянулись кусты, мы явно слышали в кустах мяуканье. У меня оборвалось всё внутри. Я шепотом спрашиваю бабусю, крепко вцепившись ей в руку – «А вдруг это чёрная кошка?», а громко выкрикиваю – «Ты бабуся, не бойся, это кошечка совхозная заблудилась»...

Бабуся на своей старенькой зингеровской машинке, из коричневой байки сшила мне тёплое форменное платье для школы. А из тёмно-синей байки сшила мне шаровары. Затем она достала из сундука тоже старую, выгоревшую местами на солнце зелёную, плюшевую занавеску. Из этой занавески она выкроила, подобрав по цвету, «новый» верх на моё старенькое пальто, ухитрившись при этом удлинить рукава и само пальто.

Итак, к школе я была готова.

Часть 10

Михнево

В Михнево первый раз меня сопровождали, а потом я ездила туда уже всё время одна. Школа была на дальнем правом конце Михнево. Сначала надо было пройти по городским улицам, потом начинались на окраине деревянные рубленые дома, и, наконец, на самой окраине стояло здание интерната, и чуть дальше – школы.

В школе все дети как-то сами по себе, разделялись на три категории: высшая – михневские, местные, средние – приезжие, и живущие в интернате, и, наконец – детдомовские. Они тоже жили в интернате, так как детский дом был где-то за городом. Их можно было отличить по двум признакам – они все были одеты одинаково, и держались всегда дружной стайкой, что бы они ни делали.

Интернат представлял собой большой деревянный дом. В просторной центральной комнате – «зале» в середине стоял большой стол, за которым можно было делать уроки, и за которым мы завтракали, обедали, и ужинали. По стенкам стояли кровати. И ещё были две комнатки – тоже спаленки.

За тех, кто жил в интернате, родители оплачивали ещё и питание. В интернате была кухонька, где повариха готовила для нас еду. Мы же, детвора, по очереди дежурили «на кух-

не». В наши обязанности входило не только мытьё посуды, но и уборка помещений, мытьё полов и т. д. То есть, мы были на самообслуживании.

Памятуя свои «игры» в Вельминовской школе, я и здесь, в интернате развила бурную деятельность. Интернат был уже не интернат, а какой-то корабль, а мы все – его команда. Мы составили не только чёткие расписания дежурств, а и ещё программу каких-то мероприятий, в которые втянули всех проживающих в интернате. Учёба меня интересовала – постольку, поскольку. Я жила в игре, и наслаждалась этой жизнью. До школы было не далеко, в интернате – тепло, относительно сытно... А что ещё нужно было, чтобы проучиться зиму, и окончить как-нибудь 8-ой класс?

Помню, однажды, у нас в интернате заболела одна девочка. Я раздула целое движение за её спасение. Самовольно освободила от занятий тех, кто по расписанию должен был дежурить у её постели ночью, сама не спала первую целую ночь, и так далее. В конце концов, кому-то надоело моё командование, и, кажется, даже был небольшой конфликт между теми, которые подчинялись моим фантазиям, и теми, которые просто хотели учиться, есть и спать. Наверное, каждый остался при своих интересах. Но жизнь, есть жизнь...

Бабуся продолжала собирать копеечки, чтобы во время вносить плату за моё проживание в интернате. Ошибка её была в том, что эту плату она передавала со мной.

В первый раз, получив эти деньги за месяц вперёд, я за-

шла с этими деньгами, когда шла со станции в Михнево, в какой-то продуктовый магазин. Я долго гуляла вдоль витрин, и мысленно пробовала выставленные там конфеты и пряники.

Наконец, посомневавшись, я всё-таки вынула денежку, что-то купила, и съела тут же, как говорят, – «не отходя от кассы».

Затем я подумала, что оплатить полностью необходимый взнос, у меня уже денег недостаёт, поэтому, какой смысл в том, что оставшаяся сумма будет лежать без дела? А ещё, вдруг, её стащат? Хотя таких случаев вроде у нас пока не бывало. В общем, я накупила конфет и пряников впрок, с чем и пришла в интернат.

Так прошел месяц, потом повторилось во второй. Наконец, воспитательница, кажется её звали – Валентина Ивановна, которая с нами работала в интернате, не получая от меня вразумительных ответов, поехала в Вельяминово к бабусе.

Для неё это был удар «под дых». Тем не менее, я не знаю – как она выкручивалась, но долг за интернат она внесла, и потом регулярно оплачивала всё до конца учебного года, хотя дома семья жила впроголодь.

Бабуся была очень гордой. Она чувствовала себя обязанной тёте Нине Гладилиной из Пушкино, у которой жил папа, когда мы находились ещё в Киеве. Она долго думала, чем отблагодарить эту семью.

И вот однажды, она взяла старый большой чемодан, и сложила в него весь хрусталь, который ездил вместе с семьёй из города в город много лет. Это был не современный хрусталь с толстым резным рисунком, а тонкий, звонкий хрусталь с нежным изящным рисунком. Были стаканы, стаканчики, стопочки, рюмочки и фужеры, графинчики и вазочки. Каждую штучку бабуся аккуратно завернула в газеты, и уложила в чемодан.

Приехали мы в Пушкино. Нас встретили чопорно и сухо. Может быть, тётя Нина подумала, что бабуся приехала выговаривать ей за вину Василия? А, может быть, увидев нас с чемоданом, она предположила, что мы приехали к ней жить? Но, когда бабуся стала разворачивать и расставлять на столе хрусталь, тётя Нина удивилась, а потом оттаяла и стала угощать нас обедом. Кажется, бабуся гордо отказалась, поблагодарила, и мы уехали с пустым чемоданом домой.

Когда папа через несколько лет вернулся домой, он не раз упрекал бабусю за этот поступок. Он говорил, что не жил за их счёт, а отдавал половину зарплаты за питание. А ещё папа не мог забыть, что бабуся подарила последнюю ценную вещь, которая у неё оставалась – золотой кулон. Это был довольно большое, красивое, ромбовидной формы, резное украшение, инкрустированное крупными рубинами, правда, без цепочки.

Этот кулон бабуся подарила Свете Фирсовой на память, справедливо предполагая, что я бы его не уберегла. Но, как

и папа, я тоже с лением иногда вспоминала эту красивую вещь...

Часть 11

Техникум

Я окончила 8-ой класс. И опять летом сразу же оформилась уже на всё лето на работу в совхоз... И Борис тоже работал со мной. Милочка перешла во 2-ой класс.

Жили мы трудно, вернее сказать, бедно. Да и не только мы. Время трудное было для всех.

Помню такой случай. У нас был директор совхоза. Я училась с его дочкой Светкой. Иногда я забегала к ней домой. Однажды я попала к ней во время обеда. Меня пригласили за стол и сказали, что сейчас будем есть жареных цыплят. Я и не знала в общем-то – какие они на вкус. Поставили на стол блюдо, на котором высились горкой жареные тушки. Положили, и мне на тарелку целую птицу. Я смотрела, как едят взрослые – обглаживают ножки, грудки, оставляя голые косточки. Ну и я также съела, тем более, что есть – то хотелось всегда.

А после обеда, Светка смеясь, спросила – «А ты знаешь, что это были не цыплята? Это папа настрелял грачей, а мама пожарила». Я не знала верить мне или нет. Мне кажется, что директор совхоза стрелял грачей к обеду не от бедности...

Кстати, мне вспомнился ещё один случай, связанный с отцом Светки.

Однажды, когда я ещё училась в 7-ом классе, в Вельяминово, я возвращалась из школы. И когда я шла перелеском, вдали, в лесу я увидела удаляющиеся две мужские фигуры. Интересно, что можно в пустом лесу делать? И куда они по-

шли?

Придя домой, сидя за обедом, я стала рассказывать целую историю, которую тут же сочинила. Это было что-то вроде того: – «Иду я из школы по лесу. А недалеко от дорожки, идут двое мужчин и разговаривают. Один говорит – всё равно мы его убьём. Я так поняла, что говорили они – про Светкиного папу. А потом они ушли вглубь леса»...

Я не ожидала, что мама всерьёз примет мой рассказ за правду. Она побежала к Светкиному отцу и всё рассказала. Через некоторое время к нам пришли двое, как тогда говорили, да и теперь тоже – двое в штатском. Мне пришлось им свой рассказ повторить. А потом вместе с ними пришлось пойти в лес и показать то место, где я их видела. Они меня отпустили, а сами ушли в глубь леса – искать следы то ли шпионов, то ли бандитов?!?!

Ну разве можно было быть такой фантазёркой? А я была...

А следующая история – уже не из области фантазий. Была в совхозе у меня любимая подружка – Светка Кулинич. Семья Кулиничей приехала откуда-то из Сибири. Отца у них не было, кажется, погиб на войне. Мама – Анна Сергеевна Кулинич одна тянула четырёх дочек: Светлану, Аллу, Элю и Таню. Светлану коротко звали – Талой. Тала, Талочка, очень красивая девочка. Жили они так же трудно, как и наша семья. А когда мы, дети собирались все вместе, получалась уже

целая орава – их четверо, да нас трое. Можно представить, чего только мы не вытворяли.

Мы с Талкой мечтали куда-нибудь вырваться из дома, получить самостоятельность. Мне было пятнадцать, Талка была на год старше меня.

И вот мы поехали с ней в Москву сдавать документы в торговый техникум. У неё документы приняли, у меня – нет. Я не проходила по возрасту... Не хватало одного года...

Вслед за Талкой я тоже стремилась куда-нибудь прийтнуться. Поэтому я несколько дней подряд моталась по Москве, тычась, как кутёнок носом – где бы устроиться...

И вот, однажды, еду в трамвае, стою, гляжу в окно. Потом поднимаю глаза и читаю наклеенное объявление о приёме в кожевенно-обувной техникум. Дальше перечислялись все прилагающиеся блага: общежитие, клуб и т. д. и т. п.

Я записала адрес, поехала туда, и подала заявление. Заявление приняли. Вступительные экзамены я сдала средне. Диктант написала хорошо и математику – тоже, химию и физику с трудом сдала на тройки.

Помню заседание приёмной комиссии. Длинный стол в аудитории, за которым сидели все заведующие кафедр. Перед ними по очереди проходили первыми – те, которые набрали необходимое число баллов. Потом те, кто нуждался в общежитии, но получил хорошие оценки, и в последнюю очередь те, которые и в общежитии нуждались, и баллов до-

статочно не набрали.

Я была в числе последних. Помню, как я стояла перед этой комиссией, скромно потупившись. Мне стали задавать вопросы: где живу, кто родители и т. п. Я отвечала жалостливо, что так мол и так, отец сидит, семья бедствует, идти мне некуда, и дома жить не на что...

Смотрю стали перешептываться. Наконец, один из них говорит: — «Вот вы подали, как все на обувное отделение. Это, конечно, интересно. Но в нашем техникуме есть ещё экстрактовое отделение. Это специальное приготовление экстрактов, которыми дубят кожу, чтобы потом она была пригодна для изготовления обуви. Скажем честно, на остальные отделения все места заняты. Я — заведу экстрактовым отделением. Я могу принять вас к себе. На этом отделении стипендию дают даже с тройками. Какое решение вы принимаете?».

А какое решение мне нужно было принимать, если мне было всё равно, куда меня примут. Лишь бы было общежитие, стипендия. А что будет потом, жизнь покажет.

Так я оказалась студенткой экстрактового отделения коженно-обувного техникума. Техникум находился недалеко от Сокольников. Нужно было проехать на трамвае от Сокольников мимо клуба имени Русакова, и ещё несколько остановок до техникума.

Общежитие было в таком же большом каменном здании,

стоявшем рядом с учебным корпусом. За зданиями был луг и спуск к какой-то речушке, по берегам которой тянулись огороды. Если ехать дальше на трамвае, то, как ни странно, по правой стороне была улица с деревянными домиками, заборами, малюсенькими огородами и палисадниками. Видно, раньше здесь и была деревня, которую поглотил город, теперь это место стало – Москвой.

Конечная остановка трамвая – (кольцо) была на площади, в конце которой расположился резиново-каучуковый комбинат, а по правой стороне находились Ростокинские бани.

Занятия надо было посещать обязательно. За пропуски и двойки могли снять со стипендии. А стипендия – дело святое. Помогать из дома мне не могли, так как они сами перебивались, как говорится с хлеба на воду. Поэтому стипендия была моим единственным доходом. Девочки, которые приехали в общежитие из деревень, привозили с собой картошку, морковку, варили на общей кухне себе супчики. Я же не только не имела из чего готовить, я и не умела ничего готовить вообще. Кроме того, я не была расчётливой, наоборот, моя беспечность и безалаберность помогали мне проесть стипендию в несколько дней, а потом ходить вечно голодной. Правда, голод переносился легче, чем можно было бы предположить.

В общежитии я жила в комнате, где жило человек 10 девочек. Все они были из одной группы. Среди них была одна девочка – Вера. Вместо одной ноги у неё был протез. С ней

у меня связано одно воспоминание.

Иногда я пробовала гадать на картах. В основном, это было так, баловство. Но девчонки часто просили им погадать на них самих, или на тех, кто остался дома, далеко от Москвы. Однажды Вера попросила меня погадать на своего брата, который пропал без вести на войне. Я раскинула карты, и выпало, что он – «на пороге». А буквально на следующий день она получила от него письмо, а потом он сам приехал к Вере. Мы все, как сейчас помню, сидели за столом, и, разинув рты, слушали его рассказы о войне, о госпитале, в котором он долго лечился, и где надолго задержался уже после победы.

Девчонки меня зауважали. От них не стало отбоя – погадай, да погадай. И Вера один раз попросила опять, чтобы я раскинула карты на её отца. Что-то давно от него не было писем. Я раскинула. И четко выпал пиковый туз под королём, пикой вниз, а сверху легла девятка пик. Ну и остальной расклад был не лучше. Я сказала, что ему выпадает смерть. А на следующий день Вера получила телеграмму, что он умер... Я так перепугалась. У меня было ощущение, что именно я виновата перед Верой, что принесла ей такую неприятную весть. Больше я не брала карты в руки, и не пробовала гадать больше никогда в жизни...

Учёба в техникуме меня особенно не заинтересовала. Правда, было всё внове: занятия, зачёты, первая в жизни сес-

сия. Все учились, и готовились к экзаменам. За компанию со всеми и я вынуждена была учить уроки. В техникуме, не как в институте, где читают лекции, а оценки получаешь только на экзаменах, или на зачётах. Здесь спрашивали, как в школе, задавали задания на дом, ставили оценки за ответы. За двойки снимали со стипендии. Поскольку, на нашем экстрактовом отделении стипендию давали с тройками, главной задачей было – не схватить двойку. Каким образом, не помню, но мне это удавалось.

У меня появилось несколько подружек. Самой закадычной была – Тонечка Синельникова. Очень красивая девочка, с чёрными волнистыми волосами. Она была похожа на молдованочку. Мы подолгу могли болтать о чём-нибудь. Вернее, я говорила почти всегда одна, а она внимательно меня слушала. Язык у меня был подвешен правильно, уболтать я могла любого, а поскольку она умела слушать, я и философствовала.

Обычно, мы сидели на подоконнике, в коридоре общежития. Я помню, как я ей говорила, что мне скучно жить, не интересно общаться с людьми. Я объясняла, что, если кто-то что – либо начинал говорить, мне уже сразу же было не интересно слушать, так как я с первых же слов знала, что человек скажет дальше, или что сделает в следующий момент...

Интересно, я что, на самом деле так думала, или рисовалась? Кажется, всё-таки я так и думала...

Часть 12

Инка

Была ещё одна девочка, которая меня заинтересовала своими рассказами о мальчиках. Эта тема для меня была не просто не изведанной, но, точнее сказать, совершенно загадочной, полной таинственного. Звали её Инна Кондрашова. Она была старше меня, и уже встречалась с ребятами, целовалась с ними, и, как потом я стала догадываться, может быть, позволяла себе и большее. Но что означает – это большее, для меня вообще было полной тайной.

Но я помню, что именно в это время я поняла, что из подростковой девчонки я начала оформляться в девушку. Зимой на уроках физкультуры нас не раз водили в Сокольники, на соревнования по лыжам. Пред соревнованиями все участники в обязательном порядке проходили медосмотр. Заключение он в том, что мы раздевались по пояс, и выстраивались в две очереди – к столу, за которым сидели два молодых врача. Они выслушивали нас, смотрели в рот – нет ли ангины, и на этом осмотр оканчивался. Когда подошла моя очередь, я немного засмущалась, так как в первый раз стояла раздетая перед молодым доктором. А у меня уже почти оформилась грудь. Я зала, что моя грудь напоминала два упругих, недозревших, но уже налившихся солнечным теп-

лом персика. Когда врач стал меня слушать, я почувствовала на себе его пристальный взгляд. Я поняла, что ему что-то во мне понравилась, так как он несколько раз поворачивал меня к себе ненадолго спиной, а потом опять и опять прослушивал сердце... И вдруг, я поняла, что мне нравится, как он на меня смотрит. И, если сначала – я стояла съёжившись от стеснения, потом я распрямилась, как бы говоря – «ну, на же, смотри, если тебе так хочется»...

Инка, как я её звала, училась не ахти как, а после первого курса она бросила техникум. Жила она с матерью в маленьком частном домике, находившемся на улочке, которая была почти напротив нашего общежития. Дом был на две семьи. Перед домом был палисадник, а с одной стороны дома была открытая веранда, на которой стоял умывальник, столик, и в глубине – широкая скамья, которую при желании можно было бы использовать, как постель. Мать Инки, как мне показалось, особенно воспитанием её не занималась. Инка была, как и я в жизни предоставлена сама себе. Питалась кое-как. Гуляла, сколько хотелось, и с кем хотелось.

Именно она первая стала мне рассказывать о том, что недалеко от её дома находится 1-ое Московское артиллерийское подготовительное училище – 1-ое МАПУ. Что ребята там учатся, также как в суворовском – по десятый класс включительно. Потом они поступают в академию, и по окончании становятся офицерами. Зовут ребят из училища – спецами. Девочек, которые дружат со спецами, называют – спе-

духами. Но есть ещё и такие, которые с ними живут. Их прозвища – борухи.

В Москве есть ещё второе такое же училище – 2-ое МАПУ. Ребята этих двух училищ соперничают между собой. Часто дерутся. У каждого училища в Москве есть свои места, где они «прошвыриваются» в увольнениях или самоволке. Общеизвестные места – это «Бродвей» на улице Горького и «плешка» – от метро Сокольники до входа в парк.

Но чаще бывают драки между «шпаками» и спецами. Шпаки – это штатские ребята. Иногда между ними бывали такие громкие драки, что даже милиция не справлялась. Шпаки подкарауливали спецов, когда их шло по улице немного – два-три человека. Когда начиналась драка, кто-нибудь из спецов добегал до училища, поднимал своих криком – «наших бьют!», и тогда ребята срывались дружно иногда прямо с уроков, на ходу снимали ремни, накручивали их на руки и в драке били пряжками по чём попало. Страшно.

Инка рассказывала, что познакомиться со спецами не так просто, их в увольнительную отпускают по выходным, и то не всех, и не всегда.

В общем, любопытство моё разгорелось, и я изъявила желание – познакомиться с кем-нибудь из спецов. Мы стали прогуливаться около училища. Иногда мимо нас проходили ребята в военной форме, которые спешили в увольнение. Но они на нас особого внимания не обращали.

На новый год в училище было несколько вечеров с ёлками, с оркестром. Несколько, потому что вечера устраивались для разных классов, или подразделений, не знаю, как правильнее их называли. На один из таких вечеров я попала, но не с Инкой, а с какой-то другой девочкой, которая достала два пригласительных. Ёлка была большая, до самого потолка, и стояла посередине большого зала. Все девчонки были нарядные, их приглашали ребята, подтянутые, какие-то торжественные. Оркестр играл вальс. Очень хотелось танцевать, но нас никто не приглашал. Большинство ребят были со своими девочками. Видимо, они все были с ними давно знакомы, и на вечер пригласили их заранее. Мы стояли у стены, а потом решили танцевать друг с другом, как говорили раньше – «шерочка с машерочкой». Паркет был очень скользким, мы в упоении так раскружились в вальсе, что не удержались, поскользнулись, и на виду у всех, загремели на пол посреди танцующих...

Особых знакомств на этом новогоднем вечере мы не заимели. Поэтому в очередной раз, когда мы с Инкой пришли к училищу, решили действовать по другому. У Инки были там не друзья, а просто знакомые. Их можно было вызвать на КПП. Она попросила дежурного кого-то из них позвать. Когда выбежал её знакомый, она с ним сначала просто «поточила лясы», а потом договорилась с ним, что он позовёт кого-нибудь из ребят, которые – «свободные», то есть, ни с кем из девочек не встречаются. И, действительно, он через

минут десять выскочил опять на улицу через КПП с двумя ребятами. Мы познакомились. Один из них – Розов Виктор, второй – Володя Пырин. Мы договорились, что они сообщат нам, когда получат увольнительные, и можно будет куда-нибудь пойти погулять.

Виктор Розов

У меня сохранилась фотография Виктора Розова тех лет.

Инка познакомила меня с девчонками, у которых можно было собираться компанией по вечерам. Особенно я запомнила одну из них – Найку Пивчик. Родители её были за границей. Жила она только с сестрой. Сестра вышла замуж и тоже куда-то уехала с мужем. Найка, будучи немного старше нас, жила одна в однокомнатной квартире. Но дом был какой-то старинной постройки, поэтому эта единственная комната в однокомнатной квартире была такой огромной, что заменяла по площади все три. Я была с Инкой пару раз у Найки в гостях. Была музыка, танцы. Потом ребята боялись опоздать из увольнения, поэтому долго не засиживались. Они провожали нас по дороге в училище до общежития.

Кстати сказать, при первом знакомстве с ребятами, я обратила внимание на Розова Виктора. Он был высокий, светленький, симпатичный.

А прохожу мне потом не давал – Володя Пырин. Он влюбился в меня с первого взгляда. А я не знала, как от него отделаться. Вскоре через этих ребят, мы перезнакомились ещё со многими другими. На всякие праздники, особенно, когда наступала весна, мы собирались в складчину у Инки на веранде. Было, наверное, и вино. Но я тогда спиртное не употребляла вообще. Меня этот момент застолья как-то не интересовал.

Кстати, один из таких вечеров у Инки мне запомнился особо.

В нашей компании была одна девочка – Наташа. Родители её были в командировке за границей. Жила она с бабушкой. Когда мы собирались справлять Первомайские праздники, Наташке захотелось покрасоваться в маминых новых туфлях на каблуках. Она потихоньку стащила их из комода, и потом одела на нашу вечеринку. Туфли ей особо не подошли. Она натёрла в них ноги, поэтому сняла и куда-то засушила, а одела свои, в которых пришла.

Домой она пришла поздно. Бабушка её уже ждала, и заката ей взбучку, так как уже обнаружила отсутствие туфель. Наташка сначала заупиралась – не брала мол, и всё. Тогда бабулька её побежала и написала заявление в милицию, указав Инкин адрес, и перечислив всех девочек, которые были в тот вечер. Всех по очереди вызывали в милицию для разбирательства. Вызвали и меня.

До милиции надо было доехать несколько остановок трамваем в сторону Ростокина. Приехала в милицию, показала повестку, попросили подождать около какого-то кабинета, потом вызвали туда. В небольшой комнате помещался только стол, за которым сидел следователь. Справа и слева перед столом стояло по стулу, другой мебели в комнате не было.

Следователь стал расспрашивать – кто был на той злополучной вечеринке, что делали. Во сколько разошлись. Я всё объясняла так, как было. В какой-то момент он начал на ме-

ня почти что орать. Он кричал, что точно знает, что я взяла туфли, и, если я не скажу – куда их дела, то... И дальше всякие угрозы. Я-то знала, что я не брала, поэтому отвечала нахально, уверенно. В какой-то момент ему надоело на меня кричать, он подписал мою повестку, и сказал, что вызовет ещё, и, чтобы я подумала...

А через день туфли нашлись. Наташка, когда переобувалась, запихнула их под тумбочку умывальника. А здесь, Инкина соседка стала убираться на веранде и нашла их.

Ну, думаю, я теперь повеселюсь. Приезжаю в милицию, а следователя на месте нет. Какой-то другой молодой следователь спросил меня – а что я хочу? Ну, я выговорилась, сказав заодно, что хочу, чтобы передо мной извинились.

Следователь извинился. Я с возмущением сказала, что вызывают в милицию, а сами даже не предполагают, что у бедной студентки, может быть, даже денег нет на трамвай. Следователь предложил мне взять три рубля. Я возмутилась, а он сказал, что у них предусмотрены на дорожные расходы специальные деньги, и чтобы я брала не стесняясь. Ну, я, конечно, взяла... А денег, у меня, действительно не было.

Часть 13

Каникулы

Начались летние каникулы. Нам выдали стипендию за лето. Но, как всегда, мне её надолго не хватило. Ехать в Вельяминово, и работать летом в совхозе мне было не интересно. И вообще я туда приезжала редко и ненадолго. Девчонки все разъехались на лето по домам. Осталось несколько человек – детдомовских, ну и я тоже.

Не знала – куда себя девать. Инка уже работала на резиново-каучуковом комбинате. Поэтому днём я с несколькими местными подружками ходили гулять в Сокольники. Эти девчонки были все из компании спецух, поэтому разговоры велись только о мальчишках и о любви. Для меня пока это были всё абстрактные темы. Некоторые девчонки уже имели опыт первых поцелуев. Те, которые ещё не извели этого первого сладостного чувства прелюдии любви, приставали с просьбой – научить их целоваться. И, сидя на бревне, «опытные» девчонки демонстрировали процесс «настоящего» поцелуя, натурально целуя друг друга. В общем, «школа» функционировала. Когда время подходило к обеду, девчонки разбегались по домам. Мне идти было некуда, поэтому мы договаривались с Инкой, что в её обеденный перерыв она выйдет на улицу, и мы поболтаем. По дороге я забежала на

рынок. В овощном ряду на прилавках горками лежали огурцы. Помидоры в это время, видимо ещё не созрели. Имея Киевский опыт по «добыванию» семечек, мне удавалось от нескольких горок украсть (по другому это не назовёшь) по одному огурцу. Когда Инка выходила на улицу, она выносила с собой завёрнутый в газету свой скудный обед. Мы сидели на травку у забора комбината. К её обеду я выкладывала огурцы, и мы съедали всё до последней крошки.

Однажды, или я обнаглела, или потеряла бдительность, но на одном из огурцов дед – продавец меня «застукал». Он стал кричать, но я убегала так быстро, что не слышала его ругани. В этот раз я Инке рассказала про это приключение. Она посоветовала этого больше не делать. Да я и сама пришла к тому же выводу. И не потому, что этот дед там торговал каждый день, а просто эта «игра» мне уже надоела...

Пошла я в отдел кадров техникума, и попросила, чтобы мне подыскивали какую-нибудь работу на лето. И хотя, рядом был кожевенный комбинат, работы для меня не нашлось. Но женщина из отдела кадров сказала, что у неё есть знакомая семья, которая ищет приходящую работницу. Нужно мыть полы в квартире, и на веранде, и ещё выполнять какие-то мелкие поручения. Я согласилась. Проработала я в этой семье всё лето. Семья состояла из мамы, папы и сына, который оказался очень симпатичным молодым человеком. Естественно, он стал за мной ухаживать. У него был мотоцикл. И несколько раз он меня катал на нём по ночным улицам –

до Сокольников и обратно. Незабываемое впечатление, когда едешь на больших скоростях – ветер бьёт в лицо обжигая. Появляется ощущение полёта...

Но началась учёба, и я вынуждена была эту работу бросить.

Быстро пролетел семестр. Наступал 1951-ый год.

Часть 14

Прощай, техникум!

Шел 1951 год.

После зимней сессии начались каникулы. Стипендию почти всю я раздала за долги, а оставшиеся деньги быстро пролетели, как всегда. Я, как и прежде, домой не поехала. Скиталась по общежитию. Ходила в гости к Инке. Денег много не было. Есть хотелось постоянно. Однажды, придумывая, чего бы пожевать, я, в поисках еды в который раз облазила все тумбочки, проверяя, не осталось ли чего-нибудь съестного. В одном месте, под кроватью стоял ящичек с картошкой. Я взяла несколько штук и сварила... Больше съестного не нашлось...

Каникулы кончились. Девочки вернулись в общежитие. И тут неожиданно разразился скандал. У одной девочки пропал альбом с открытками артистов. Поскольку в комнате, кроме меня, никто не оставался, сразу же обвинения полетели в мою сторону. Подлила «масла в огонь» девочка, которая сказала, что у неё пропало несколько картошек. В общем, скандал был большой. В комнате устроили собрание, скорее, похожее на судилище. Мне было обидно, но картошку-то я действительно взяла.

В порыве обиды я пошла в отдел кадров и забрала доку-

менты, бросив учёбу в техникуме.

Надо сказать, что где-то перед экзаменами, к нам в комнату временно поселили на свободную койку девушку, кажется, из Саратова. Она приехала в командировку в наш техникум. Звали её Римма Ожогина. Перед новым годом она уехала. Сопоставив все факты, я предположила, что альбом с артистами увезла она. Она знала про него, рассказывала нам, что тоже собирает открытки...

Придя к такому выводу, я написала письмо (на деревню дедушке) – в милицию города Саратова. В письме я жаловалась на то, что вынуждена бросить техникум из-за несправедливых обвинений в мой адрес. Я обращалась к ним с просьбой отыскать альбом у Риммы, а дальше в письме я давала «советы», как вызвать Римму на признание, или как заставить её показать им альбом...

Наверное, в Саратове не одно отделение милиции, но в какое-то моё письмо попало. А по поводу моих советов – как надо проводить следствие, вероятно, хохота было не мало.

Интересно, что спустя несколько лет, в метро я случайно встретила двух девочек из моей группы. Они рассказали, что вскоре, после того, как я ушла из техникума, пришла из Саратова бандероль, в которой был пропавший альбом.

Девчонки очень переживали, что несправедливо обидели меня, пробовали искать меня через Инку, через паспортный стол Москвы, чтобы вернуть меня в техникум и извиниться. Но, к сожалению, они меня не нашли... А, если бы и нашли,

я бы, наверное, всё равно не вернулась, так как понимала, что это – не моё. Пересидела полтора года, и хватит. Надо было искать что-нибудь новенькое.

От той поры у меня сохранилось стихотворение. Хочу сразу предупредить, что поэт из меня никакой. Но мои наивные стишки мне не хочется вычёркивать из моего прошлого, также, как иногда бывает жалко выкидывать какую-нибудь старую, но любимую кофточку.

Москва. Сокольники.

Кожевенно – обувной техникум.

НАША ЮНОСТЬ

Наши годы незаметно мчатся,
Может, навсегда нас разлучат,
Может, не придётся увидаться,
Нас дороги разные помчат...

Правда, мы народ весёлый очень,
Где ни будем, нам не пропадать,
И какие трудности не будут,
Побеждать их – нам не привыкать.

Но друзей, товарищей, подружек,
Золотые дни с кем провели —
Никогда нигде не позабудем —
Были, есть и будут дороги.

Хорошо осеннею порой
У окна немного погрустить.
Вспомнить, как Московскою весною
Не могли мы юность оценить.

И тогда об этих днях напомним
Мне вот эти самые стихи,
Где пишу о вас, моих знакомых,
И о том, как проводили дни...

Вот такие наивные строчки... Я всё ещё оставалась ребёнком, хотя мне уже исполнилось – 16 лет.

Часть 15

Талочка

А что же стало с моей подружкой – Светланой Кулинич, или как её все называли – Талочкой.

Училась она в торговом техникуме хорошо, может быть, даже отлично. Она была очень симпатичная. Жаль, что у меня не осталось её фотографии. Было естественным, что она многим нравилась, но случилось противоестественное – в неё влюбился преподаватель, которому, кажется, было уже около 70 лет.

Был он огромным, полным, если не сказать – толстым стариком. Мне трудно было представить его красивым, для меня тогда все старше 30, уже казались старыми. Но позже мне Тала показывала его семейные альбомы, в которых он на фотографиях в молодости был необычайно красив. Он был из интеллигентной семьи, получил в своё время, еще в начале 19-го века, утончённое воспитание и несколько высших образований.

Ухаживать за Талкой он стал очень осторожно, так как, вероятно, дорожил работой и репутацией. Сначала он предложил ей помощь в усвоении своих предметов. Он занимался с ней после уроков, в техникуме. Кажется, он преподавал – «холодильные установки». Потом он стал назначать заня-

тия у себя в доме. Кончилось это тем, что Талка забеременела. Не знаю, как он уговаривал, чем её прельстил, что обещал? Но главное, как ей не было противно? Может быть, он её изнасиловал? Скорее всего, опоил вином. Но теперь уже было не важно – как он соблазнил её, факт был на лицо.

Анна Сергеевна, мама Талки, встретила с ним. Талка бросила учёбу, и осталась жить у матери в совхозе. Я видела его, когда он несколько раз приезжал к ним в совхоз. Он привозил в сетках свёртки с едой, гостинцы Талкиным сестрёнкам, и, естественно, ей. Переговоры шли долго. Жениться по каким-то причинам он не мог, так как его сразу же осудили бы за развратные действия, хотя Талочке тогда уже исполнилось 18 лет.

В техникуме каким-то образом узнали о его «шалостях», пригласили его на общее собрание педагогов. Он, конечно, всё отрицал, утверждая, что всего лишь принимал близко к сердцу тяжелое положение её семьи.

И опять он зачастил в совхоз. Длительные переговоры с Анной Сергеевной привели к следующему результату. Он удочерил Свету, прописал у себя, в Московской квартире. Семье Кулиничей он купил козу. В ответ на это, Света написала заявление в дирекцию техникума, что ребёнок, которого она ждет, не от него, а от какого-то молодого человека, который сейчас находится в армии.

Светлана переехала жить в Москву, к новоявленному отцу, а в совхозе все говорили о том, что Анна Сергеевна об-

меняла дочь на козу...

У Сетки родилась дочка Леночка, а через год – сын Пётр.

На фотографии – Анна Сергеевна Кулинич, её младшая дочка – Эллочка и дети Талки – Петя и Леночка

Такая молодая мама и уже с двумя детишками... А «папа» вскоре отправился на тот свет. Видно, любовные нагрузки и эмоциональные стрессы сделали своё дело.

И тут началось самое интересно. Нашлась мама этого «папы». Ей было 90 с лишним лет. И она претендовала на квар-

тиру, в которой жила Талка. Дело дошло до суда, на котором уже посмертно признавалось, что он был не папой, а отцом ребятишек. Судья встал на сторону Светланы, тем более, что у мамы (Талочкиной свекрови) была собственная квартира...

После окончания суда, вся семья Кулинич переехала к Светке.

Я одна из первых побывала у них в гостях. Квартира находилась на Дербеневской набережной. Если смотреть с берега Москва-реки, то на той стороне бросались в глаза трубы какой-то фабрики, или завода. Если перейти мост, и пройти мимо этих серых промышленных зданий, начинался массив каменных домов, очень старых построек. Нужно было пройти через арку во двор, в середине которого был разбит сквер, со всех сторон окруженный домами, подъезды которых выходили во двор. Дальний дом и угловой подъезд был потом знаком не только мне. У нас, как и у многих из Вельяминовского совхоза, не было в Москве родственников, поэтому при необходимости все совхозные близкие друзья, вроде нашей семьи, всегда спешили переночевать у Кулиничей. Мало того, с их согласия, к ним приезжали и наши некоторые родственники, приезжавшие в Москву.

Квартира была, кажется, на третьем, может быть, на четвертом этаже. Я не помню, как выглядела кухня, но, когда я первый раз побывала у Талки, увиденное произвело на меня жуткое впечатление. Комната была оклеена тяжелыми на

вид, шелковыми обоями, может быть, настоящим шелком. От старости обои стали почти чёрными. И только взглядевшись в них, можно было различить штрихи рисунка с позолотой. На стенах висели в рамках такие же тёмные чьи-то портреты (наверное, его предков), выполненный ещё в 18-ом веке, если не более раннего периода. Кроме портретов, по стенам были развешены ещё какие-то картины. Оттого, что окно, вероятно, не мылось много лет, свет в комнату просачивался еле-еле, и не освещал, а как бы заполнял комнату серым туманом, не в состоянии разогнать, царящий круглосуточно, полумрак.

Вся мебель – и круглый стол с бархатной скатертью, и вычурные стулья и кресла – всё было под стать общей атмосфере. Казалось, что ты попал в совершенно другой мир, не из нашей жизни. И становилось жутковато, так как казалось, что по углам комнаты и по стенам струились какие – то тени, которые вот-вот выползут и набросятся на тебя сзади.

Когда к Свете переехали мама с сёстрами, они попытались преобразить квартиру, по крайней мере, отмыть окна, но обои они смогли поменять только много позже. Я не знаю, где они все ухитрялись спать, ведь, вместе с детишками их оказалось 7 человек. Помню только, что кто-то из девчонок спал на полу, и когда на ночлег забредали «гости», их укладывали, естественно, тоже на пол, продолжая ряд спящих. В комнате стояла огромная кровать, на которой спала Света, Анна Сергеевна и малыши.

Проследить дальнейшую судьбу этой семьи мне до конца не удалось, да я и не ставила такой цели. Знаю только, что девочки выросли и вышли замуж, оставив эту квартиру. Алла погибла, утонув в реке...

В настоящее время иногда по телевизору мелькает фамилия – КУЛИНИЧ ПАВЕЛ, кажется – художник. Может быть, это сын Талки?

Однажды, года через два, я приехала к ним в первой половине дня, Талка ещё не вставала с постели, в которой она лежала с каким-то мужчиной. Она начала пить, и приводить домой мужчин, не обращая внимания на то, что здесь были маленькие дети. Мать она не слушалась, упрекая её, а в чём? Ведь она сама была во всём виновата. Анна Сергеевна от таких переживаний стала быстро стареть, вся поседела, и у неё стали дрожать голова и руки...

Часть 16

Помилование

Милочка и Борис с мамой – Ниной Николаевной Степановой

В Вельяминово, в нашей семье тоже ничего хорошего не случилось. Кроме голода было напряженное отношение местных жителей к нашей семье. Как и прежде, бабуся вела себя по отношению к другим замкнуто и гордо. Кроме всего, она не могла отказаться от привычки иногда обращаться на людях к Миле и Боре на немецком языке. Многие дразнили их за это – жидами. Иногда ночью, на двери кто-то делал

надпись – «ЕВРЕИ!».

Немного выручала коза, которую кто-то уговорил бабусю купить в рассрочку. Козу называли «Лохмушкой». Она была такая же худая, как и её хозяйева – кости, да кожа. Молока она давала мало, но и это выручало детей. Лохмушка жила вместе со всеми, спала около печки. Ухаживал за ней Борис, доила – бабуся... Но однажды она заболела и издохла. Вскрытие показало, что она заболела глистами. Все внутренности были заражены. С Лохмушки сняли шкуру, и она ещё много-много лет служила ковриком у кровати.

Когда отца арестовали, мама подавала апелляцию в Верховный Суд.

Ему скостили два года. Но и десять лет было огромным сроком. Я не знаю, почему я не пробовала что-то предпринимать в этом отношении раньше, но уже шел четвёртый год, как он сидел.

Было лето, я тогда только ещё перешла на второй курс техникума, и иногда приезжала домой, в Вельяминово.

Я взяла у мамы документы, составила прошение на помилование, и решила подать его Швернику.

Я не помню – где находилась приёмная Шверника. Помню только, что это было огромное помещение, напоминающее вокзал. Кафельный пол. Вдоль всех стен по кругу стояли скамейки, тоже, как на вокзале. Стояли они и по всему залу, расставленные рядами. Народу в этом зале была – уйма. Говорили все шепотом. Улыбок там не было. Слезы были на

глазах у многих. И ещё была во всей этой толпе – какая то покорность, униженность, зависимость.

Ровно в 10 утра, в зал вошло несколько человек. Один из них распорядился, чтобы все заняли места вдоль стен. Все бросились занимать места. Кому не хватило, сели на скамьи в середине зала. Пришедшие чиновники разошлись по разным сторонам зала, и стали обходить по очереди сидящих на скамейках людей. Довольно быстро продвигаясь, подошли они и ко мне. Мужчина, чуть наклонившись, спросил – какой у вас вопрос. Я ответила – «Просьба о помиловании». – «Давайте документы». Я отдала. Последняя фраза была – «Ждите помилования»...

Ответ пришел не скоро и был формально отрицательным...

Тогда я решила на не феноменальный поступок. Я написала «рыдающее» письмо – заявление. В нём я просила освободить отца, потому что погибают от голода его дети и старушка мать. Писала, какие худенькие от голода у них ручки, как теряет зрение с каждым днём бабуся, как я, вынуждена бросить учёбу, так – как не на что учиться... И много другого в том же духе.

Прошение написала на имя начальника Главного Управления Лагерьей – ГУЛАГа. Каким – то образом узнала, где находится это Управление, и отправилась туда.

Управление ГУЛАГа находилось в известном здании на Лубянке. Здание само – очень большое, занимает целый

квартал по периметру. Если дойти с центральной его стороны до угла, затем завернуть налево и опять дойти до угла – в торце здания находится дверь в бюро пропусков. В небольшом помещении были два или три окошечка, а вдоль стены находились две кабины телефонных будок. Я зашла в одну из них, осмотрелась. На стене была табличка с указанием нескольких телефонных номеров. Я звонила по очереди по каждому из них, и старалась узнать, как позвонить «Главному» начальнику Гулага». Долго звонила, приставала с вопросами, с просьбами и т. д.

Наконец, даже теперь самой не верится, каким – то образом, я узнала этот таинственный номер телефона. Теперь я точно знаю, что мне помог ангел – хранитель, а, может быть, сам Бог. Иначе как поверить, что в такой секретной организации кто-то мог назвать мне этот вожаделенный номер.

Кажется, это было так. Я набирала наугад номера телефонов, и спрашивала (я не помню сейчас, как его звали), – «Это Иван Иванович? Нет, как же так, я набирала его телефон». – «А какой Вы номер набирали?» – называла номер. «Нет, вы ошиблись». – «А какой правильный номер?» – «Узнайте в справочной». И так несколько раз, пока кто-то не назвал, может быть, машинально, правильный номер.

Я набрала его. Мужской голос ответил – «Слушаю». Я стала объяснять... Меня прервали с возмущением...

Я набрала опять... И опять услышала возмущение...

Я набрала опять... Голос перешел на тон выше, трубку

бросили...

Я набрала опять... Голос стал угрожать: – «Вы не представляете, что я сейчас с Вами сделаю! Заберу! Накажу! Арестую!». А я в ответ:

– «Так я этого и хочу. Арестуйте, главное, выслушайте! Помогите! Спасите! Пожалейте!!!»...

После недолгого раздумья, голос сказал – «Говорите». Я, сквозь слёзы, изложила ему свою просьбу. Голос опять спросил – «А как Вы узнали мой телефон?». Я ответила – «Добрые люди подсказали».

– Голос буркнул – «Разберусь...», а потом изрёк – «Никуда не уходите. К Вам подойдут. Как фамилия?»

– «Степанова».

– «Ждите»...

Минут через десять с улицы вошел мужчина, в строгом костюме, обычного вида. Спросил – «Кто здесь Степанова?» – говорю – «Я». – «Выходите со мной».

На улице повернулся ко мне лицом и говорит – «Давайте Ваши бумаги».

Я нахально так отвечаю – «А откуда я знаю, что Вы их передадите...? и что Вам можно верить?».

Он молча отвернул борт пиджака, там был приколот какой то значок. Я сделала вид, что проверив его, поверила ему. А что это за значок, я и не разглядела. Отдала я ему своё «Письмо – Прощение».

А через месяц нам, в Вельминово пришло официальное

извещение о том, что отец помилован.

Я помню, сколько наивной радости в те дни мы пережили.

Я, ведь, уже была большая, но тем не менее, иногда выкидывала детские глупые номера.

На этот раз, когда мы получили это известие, я говорю Борису – «Пошли встречать папу». Я была уверена, что он, стремится домой, и вот-вот приедет. А приехать он может через Москву и электричкой, и... Скорее всего это будет не так. Он сядет на попутную машину и приедет на Центральную Усадьбу, по основному шоссе.

Я уговорила Бориса. Мы дошли до шоссе и сели на обочине дороги. Мы ждали час, второй, третий...

Машины проезжали мимо, не останавливаясь, и скрывались вдаль. Борису ждать надоело. Мы поплелись домой.

Ждали в этот день возвращения отца мы зря. Не приехал он и через месяц.

Только прислал письмо, что освободился и решил задержаться в Иркутске, чтобы немного подработать денег. А меня просил выслать ему трудовую книжку.

Письму его я выполнила. И опять никто мне ничего не объяснил. Его трудовую книжку я отправила заказной бандеролью. А нужно было ценной. Но это я узнала гораздо позже. Конечно, моя бандероль не дошла до адресата. Ещё бы! Это я теперь понимаю, какую ценность представляет собой в тех местах трудовая книжка, а тогда я этого не знала. Я уже и сама несколько раз устраивалась куда-нибудь на работу, но,

уходя с неё, никогда не забирала свою трудовую книжку.

В общем, я всему в жизни училась методом проб и ошибок. Жаль только, что ошибок было больше, и били они больше, и не только по мне...

Часть 17

Работа

Когда я поняла, что отца в ближайшее время ждать не стоит, я призадумалась на тему – что же мне делать дальше.

По – прежнему, у меня не было желания работать в совхозе. Да и жить дома, и вместе со всеми – голодать, не имея возможности помочь чем-то семье у меня тоже желания не было. Впереди ещё было целое лето.

Бабусе я ничего не сказала о том, что бросила техникум. Соврала ей, что перешла на следующий курс, а теперь всех отпустили на летние каникулы...

А пока я ездила по Москве и искала – где бы устроиться на работу с общежитием.

Устроилась я на работу на строительство МГУ. Но не на саму стройку, а на очень не плохую работу, на университетские склады.

Параллельно со строительством, для будущего университета закупалось оборудование, аппаратура и разные приборы. Хранились они в коробках и ящиках, на стеллажах. Склады представляли собой длинные бараки. Вдоль основного прохода, тянувшегося через весь склад – перпендикулярно к нему слева и справа были устроены стеллажи, запол-

ненные оборудованием. Работать была не сложно. Каждому лаборанту (так нас называли), выделяли какой-нибудь стеллаж. Нужно было по порядку брать коробочку, или ящичек, разворачивать прибор, проверять в каком он состоянии – нет ли ржавчины или повреждений. Затем надо было его смазать техническим вазелином – густым, жирным. Приборы и так были смазаны хорошо, но в некоторых «голых» местах нужно было добавить смазку. Этим мы и занимались. Руководил работами инженер – Мельников, среднего возраста, спокойный, уравновешенный. Он следил за тем, чтобы приборы опять были тщательно упакованы, и поставлены на место. Большую часть дня он вообще отсутствовал на складе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.